

Сон о принце

Эсфирь
Серебрянская

12+

Эсфирь Серебрянская

Сон о принце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56346320

SelfPub; 2020

Аннотация

Школьнице приснился принц верхом... нет, не на белом коне, а на табуретке. Наверное, поэтому романтика у девушки оказалась покореженной думами о смысле жизни, да еще приправленными подростковым максимализмом. Ну а жизнь к думам равнодушна. Несется себе по перекатам: конфликты в школе, развод родителей, поступление в институт, недокавалеры, смерть близких и... попаданство. Приснившийся когда-то принц внезапно стал реальностью! Правда далекой, так как она понятия не имеет где находится. Ни языка, ни денег, да еще всякий встречный-поперечный видит в ней неприспособленную к цивилизованной жизни глупую дикарку. Тут совсем не до прогрессорства... И не до принца. Да и нужен ли он ей?

Содержание

Первая часть	5
Вместо вступления	5
Глава I	7
Глава II	31
Глава III	46
Глава IV	81
Глава V	92
Глава VI	112
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Посвящается моей семье Ларисе, Виктории, Элли и, конечно, Денису.

Спасибо за ваше терпение и понимание.

Первая часть

Вместо вступления

Прежде чем сесть, на стул хозяин кабинета неторопливо оглядывает меня сверху донизу. Словно данные считывает. Рост, вес...

Хм... рост... Говорят, человек растет аж до двадцати пяти лет, но не думаю, что мне удалось сильно вытянуться от своих ста шестидесяти шести, намерянных на первом курсе. Во всяком случае, на одежде это никоим образом не отразилось. Вес же, в отличие от роста, величина менее постоянная, и, по мнению бабушки, для большей показательности должен выражаться не в килограммах, а в загадочных единицах восприятия. Например, мой вес, по ее словам, как раз такой, чтоб на руках носить....

Что дальше? Волосы? Прямые, чуть ниже плеч, странно-ватого оттенка, унаследованного от папаши. У нас есть его трехколерное студенческое фото: темные волосы, рыжая борода и светлые усики. В моей шевелюре присутствуют все три цвета, правда, в разной пропорции, создавая своеобразный золотистый оттенок русого, выгодно выделяющего меня в толпе искусно покрашенных красавиц. А вот слегка вытянутое лицо, даже при наличии больших серых глаз, выглядит

несколько бледновато... пока в руки не попадет косметичка. Пара неярких штрихов способны высветить мои правильные аристократические черты... Кстати, «аристократическими» их называла бабушка и ей, как профессиональному гримеру, я склонна доверять. Кто знает, может, и вправду в жилах далекого предка, оставившего мне в наследство фамилию и национальность, бурлила весьма голубая кровь.

Тем временем обладатель френча с критично-обреченным выражением лица пробегает глазами по строчкам пустого бланка, после чего поднимает голову и смотрит на меня в ожидании ответа на незаданный вопрос...

«Ну, конечно! – озаряет меня понимание, – с чего же еще начинаются все документы!» Горделиво вскидываю голову и громко, с подчеркнутой четкостью произношу:

– Елена Альбертовна Ланцкен.

Глава I

Первый раз мне приснился принц в начале десятого класса. Прямо в сентябре. Даже число помню: пятое. Я в тот день первый раз поцеловалась с Валеркой и поэтому вечером, остро переживая свои чувства, долго не могла заснуть.

Может быть, если бы это был не первый поцелуй в моей жизни, я бы так сильно и не переживала. Но первый раз...

Мне все девчонки в классе завидовали, когда Валерка прямо первого сентября, подошел к моей парте и с улыбкой сказал: «Знаешь, Ленка, мне очень хочется узнать, сумеем мы с тобой дойти до твоего дома за час, или нам и двух не хватит» ...

И нам не хватило.

И на следующий день не хватило.

Только не надо думать, что я была вся такая от него без ума. Даже близко к такому не подошло. Но сам факт внимания самого симпатичного мальчика класса льстил моему эго невероятно.

А еще девчонки подзуживали, что как только наш Аполлон возьмет меня в крепкие объятия, да поцелует... Эх-х, к чему вспоминать восторженно завистливый бред одноклассниц? Скажу просто: сердце замирало в предвкушении чего-то эдакого, а в реальности...

Накануне, в субботу, Валерка, показывая свою крутизну,

бродил со мной по городу в куртке нараспашку. Поэтому на свиданку в воскресенье он заявился с соплями до колена. Я, естественно, заценила силу его чувств, от чего болезненный резко взбодрился, сграбастал меня... между прочим, очень больно... резко прижал свой рот к моему, да еще попытался всунуть язык между моих губ. То, что при этом под его носом блестел килограмм соплей, Казанову ничуть не смущало. Меня тоже не смутило, а просто затошнило. В результате свидание быстро перешло в эмоциональный обмен мнениями на тему «Кто есть кто». И я проиграла. Не вчистую, но все же с разгромным счетом. Естественно, ни о каком мире в душе, речи идти не могло.

А ночью, точнее под утро, когда мозг, устав подбирать достойные ответы на Валеркины оскорбления, наконец-то выпал из реальности, мне приснился принц.

Вернее, то, что он принц, стало понятно не сразу. Поначалу, я просто смотрела на полуголового атлетически сложенного парня, даже можно сказать молодого мужчину, и пыталась осознать, почему снится не Валерка, а неидентифицируемый чел верхом на табуретке. Да еще гримаса у него такая скучающе-кислая, и смотрит как-то мимо меня. Впрочем, последнее довольно быстро исправилось. Слегка повернув голову, продукт воображения пренебрежительно скривился с первого брошенного в мою сторону взгляда. После чего, демонстративно отвернувшись, он скомандовал: «Дальше!». Кто-то невидимый, «из-за кадра», ответил, что-то типа «Сей мо-

мент, Ваше высочество», прояснив, мол, это моя интерпретация мечты о «принце на белом коне».

На самом деле я ни о чем о таком не задумывались, но все говорили, что для девушки это очень полезная штука, и мне как-то верилось. Правда, надеялась увидеть вместо коня что-то более современное и более комфортабельное. Однако замена белоснежного непарнокопытного на задрипанную табуретку, вызвала в моей душе мощный отклик, воплотившийся в яркое пожелание «высочеству» скакать на его предмете мебели в далекие дали... ну и не возвращаться, пока не позвали.

Принц обиделся и ответил, весьма болезненно пройдясь и по внешности, и по умственным способностям малолетней хамки. Возможно, если бы меня так описали наяву, я бы опять разрыдалась. Вот только терпеть подобное со стороны фантомного героя, мне показалось вершиной сумасшествия.

И я ему ответила, используя воображение, начитанность и лексический запас плацкартных вагонов, добавив экспрессивность поддатых посетителей пивной, регулярно «отдыхающих» на нашей автобусной остановке. Не могу сказать, что мне самой были понятны все использованные обороты (даже сейчас), но их напор вызвал бешеную реакцию слушателя... В прямом смысле бешеную. Побагровевший лицом и телом прынчик метался по довольно узкому пространству сна разъяренным волком... а может тигром. Не суть важно. Однако животное состояние ничуть ему не помогало с поиском

ответа, о чем я немедленно сообщила, напоследок сравнив высочество с глупым рассерженным котенком. Эффект был потрясающим. Принц схватил табурет, да так им шандарахнул об пол, что в воздух взметнулся красочный щепочный фейерверк. До меня донеслись крики, и все закончилось.

Дальше я спала с чувством глубокого удовлетворения... хотя не долго, так как начинался новый школьный день.

Начался, кстати, не только день, но и новая я, открывшая для себя три новых принципа существования: а) языкастым стервам легче выживать, б) доводить до белого каления нужно на безопасном расстоянии, и в) нужна хорошая физическая подготовка для обеспечения этого самого расстояния.

Выученный урок пригодился в тот же день для пресечения прилюдных воспоминаний Валерки о нашем свидании. Мой рассказ о страхе приклеиться к соплям кавалера, порванной блузке, да наставленных его «умелыми» обниманиями синяках (два последних чистая выдумка) вызвали живой отклик, как у девичьей половины класса, так и у мужской части. А самый симпатичный парень школы, приобретая прозвище «Сопля», в бессильной злобе сбежал с уроков.

Это был лучший день в моей жизни. О чем я с удовольствием записала в своем дневнике.

Дневник тоже стал новшеством. Получилось совершенно случайно. Просто требовалось выплеснуть переполнявшие меня ощущения, а на столе лежали прикупленные к новому учебному году общие тетради... Ну и понеслась ручка по

строчкам.

Кстати, свою благодарность принцу за науку, я тоже высказала. А потом, подумав, принесла свои извинения, написав, что он хороший. Даже симпатичный. Правда, уловка перенастроить подсознание не помогла, так как приснившийся через пару дней принц, грозно вращал глазами, обещая много приятностей малолетней мерзавке. Мне стало стыдно, поэтому, воспользовавшись тем, что он опять смотрел мимо, я спряталась под одеяло. Грозное высочество, никого не обнаружив, потребовало сменить настройки и пропало... на полгода.

За это время в моей жизни многое изменилось. К сожалению, не в лучшую сторону.

Во-первых, родители окончательно разошлись... Они как бы и раньше пытались разбежаться, но почему-то ребенок их удерживал. Довольно забавный взгляд на предмет, если учесть, что один из них считал меня ошибкой молодости, а другой крючком, на котором его потащили в загс. В конце концов, я, не выдержав, заявила, что мне надоело слушать их разборки на тему «Кто с кем гульнул». Родители как-то присмирели, после чего, в течение нескольких дней выяснилось, точнее, выкристаллизовалось, нечто общее у этих довольно-таки разных людей. Они меня не любят. Вернее, ни у того, ни у другого нет чувства, которое бы можно было назвать любовью к своему чаду. Вот чувство ответственности есть, а вместо любви только искренне сожаление, что ее

нет. И папа, и мама хотели бы как-то компенсировать такую ущербность, но...

Я их простила-отпустила, решив остаться с бабушкой и дедушкой... то есть с маминим папой и папиной мамой, которые очень сильно меня любили, видя в единственной внучке продолжение своих давно уже покинувших этот мир половинок. Эта общность в любви постепенно связала самых близких мне людей, так, что спустя несколько лет, когда я переехала в съемную квартиру поближе к универу, они продолжали жить одной семьей. Они и умерли в один день: когда у деда случился инсульт, то к вечеру от переживаний у бабушки отказало сердце...

Но до этой печали еще далеко. А пока недовольный дед, сделав невыгодный обмен, переехал в соседнюю с бабушкой квартиру, чтоб быть поближе к своему солнышку (то есть ко мне) и не давать старой гримзе уродовать ребенка. Вот примерно так к пятнадцати годам я обрела семью.

Вторая крупная перемена в моей жизни случилась из-за Валерки... Да, того самого Сопли Валерки. Месяца три спустя после нашего свидания, он оказался в неправильном месте в неправильное время, после чего вместе со множественными переломами надолго поселился в больнице, возвышавшейся через забор от моего дома.

Собственно говоря, это не оказало бы никакого влияния на мою жизнь, если б наша классная, Елизавета Павловна, не заставила меня, как близко проживающую, пойти навестить

одноклассника, передав ему дружный пламенный привет от «школьных товарищей».

Уж не знаю, что мне тогда стукнуло в голову, но я решила двинуться туда при полном параде. Благо дело бабушка, проработавшая всю жизнь гримером в театре, последний месяц активно преподавала внученьке искусство макияжа. Душа потребовала показать себя. Мол, войду в палату принцессой, добив морально этого в кровати.

Поначалу все складывалось с легкой естественностью. Нарисованное личико произвело большое впечатление на охранника, и он за телефончик согласился не только пустить меня в не указанные часы посещения, но даже снабдил белым халатом с шапочкой. Правда, я не очень поняла намеки, для каких игр может сгодиться мед. одежда, но, на всякий случай, кокетливо поулыбавшись, записала ему номерок Елизаветы Павловны. Она меня сюда направила, пусть тогда и разбирается с парнишей. С ее огромным педагогическим опытом классная наверняка все знает о развлечениях с медицинским халатом. Меня же влекло вперед желание добить Соплю. Поэтому, помахав счастливому обладателю телефонного номера, я шустро проскользнула в больничные коридоры.

Боевой настрой по мере прохождения травматологии испарялся с каждым метром. А когда дошла до Валериной палаты, то увиденное царапнуло и сердце, и душу. Причем глубоко и весьма болезненно. Потому что когда здоровенный

молодой парень, упакованный в гипс, со слезами на глазах умоляет тебя поддержать ему утку, то игры в принцесс становятся уделом бессердечных дур.

Надо сказать, Валерка не узнал меня ни с первого, ни со второго взгляда. Халат и макияж сыграли с ним злую шутку, заставив обратиться к обидчице-однокласснице с такой весьма утилитарной просьбой.

И я помогла... Его руки были в гипсе, поэтому, как бы гнусно ни звучало, но все пришлось взять в свои руки. Естественно, никакого удовольствия этот процесс мне не доставил. Но появилось небольшое удовлетворение от правильного поступка. Наверно именно так чувствовали себя школьницы во время войны, помогая раненым в больницах.

А потом, когда Валерка, в конце концов, узнал меня, у него случился кризис, и мне понадобилось часа два, чтобы разговорами-уговорами привести его в чувство.

Эффект от нашей беседы оказался довольно неожиданным. Решив на следующий день опять забежать ненадолго к «раненому бойцу», я вдруг обнаружила, что за ночь превратилась в богиню. При этом к новому званию прилагался верный паладин.

Самое странное, речь не шла о влюбленности. Даже близко такого не было. Я просто стала для него непререкаемым авторитетом. Практически во всем. Но без всякого раболепия, самоунижения. Валерка оставался нормальным парнем, мог вполне поспорить со мной и даже дать шутливый подза-

тыльник. Но стоило сказать: «хочу», «требую», «окончательно решила», как друг немедленно подчинился. Он просто верил, что мне доступно знать и понимать несколько больше, чем дано обычному человеку. Почти как зрячая в стране слепых. Поэтому он может смело (и безоглядно) довериться мне.

Кроме того самозванный паладин тщательно охранял мои интересы, иногда вопреки своим собственным. Только об этом мне довелось узнать позже, когда он, придя первый раз в школу после больницы, чуть было не полез с кулаками на здорового одиннадцатиклассника, сально пошутившего над его богиней.

Валеркины родители заметили перемены в поведении сына задолго до выписки. Грубо говоря, они пришли в ужас от быстро сделанного вывода, что какая-то малолетняя мочалка изо всех сил морочит бедному больному мальчику голову. Правда, их отношение ко мне значительно смягчилось, когда из независимых источников выяснили, что заходя после школы к Валерке, я не гнушаюсь помогать ему в житейских мелочах... Да, и утка, и судно, и помыть-умыть, да и с ложечки покормить. Прямо как санитарка какая-то. Но не оставлять же человека беспомощным, если у настоящих санитарок до него руки не доходят.

Хотя, с другой стороны, забавно думать, что подобная работа может сделать из тебя чье-то божество.

Когда же мой подопечный выписался из больницы, его

родители, узнав, что обоготворение относится не к половому влечению, а чуть ли не к религии, испытали повторный шок. Валерка мгновенно был отправлен к психиатрам и психологам. Даже меня почти добровольно сводили к ним. Однако спокойствие в родительские души пришло совершенно с неожиданной стороны. Как рассказывал Валерка, на каком-то семейном застолье его папаша под рюмочку поделился печалью со своим сколько-то-юрродным родичем Степаном. Тот, будучи не шибко интеллектуальным, но душевным мужиком, задал один простой вопрос: «А как она (то бишь я) этим пользуется?» Отец моего паладина несколько подрастерялся, и ничего серьезнее «посмотрела странно», да «он ей дважды сумку из школы таскал» припомнить не смог. Родственник, выслушав обвинения, погрузился, и с какой тоской сказал: «Идиоты! Да если б девка у моего обалдуя так себя вела, я сам бы молиться на нее начал!» Аргумент произвел должное впечатление на Валеркиных родителей, подвигнув их к решению слегка снизить давление на сына. А потом они привыкли, и даже приспособились использовать мой авторитет. То есть капали на мозг не ему, а мне, чтоб я ему сказала. Особенно добивали просьбы присмотреться к его новой девочке и сказать «ничего непонимающему»..., точнее, вынести вердикт, мол, они не пара.

Но это тоже будет потом. Пока же они просто примирились с фактом, что слово какой-то прыщавой девчонки для их сына значит ну очень много.

Да, прыщи стали третьим глобальным изменением в моей жизни. Причем началась эта зараза как-то внезапно. Проснулась одним непрекрасным утром, а на щеке зреет красная блямба. Бабушка по этому поводу сильно заперевживала, а я восприняла появление прыща очень спокойно... поначалу. Потом неожиданно «вызрел» здоровый болючий «рог» на лбу. Пара мелких на носу... И буквально через неделю я тоскливо пялилась в зеркало, на усыпанную прыщами физиономию. А они еще украсили мои плечи, спину и даже мочку уха не пощадили.

Бабушка, конечно, устроила мне тур по врачам и косметологам, но прыщи оставались абсолютно равнодушными к их кремам маскам и прочим рекомендациям. Школа же мгновенно отозвалась на мою беду прозвищем Червоточинка. Я в ответ словесно нарезала ломтиками любого, кого подозревала в ехидных намеках на мою красоту. Поэтому некоторое время спустя многие верили, что меня так нарекли не за внешность, а за ядовитую языкастость. С другой стороны, мне вроде как обидное имечко чем-то приглянулось, и постепенно, с Валеркиной подачи, в школьном общении оно практически вытеснило настоящее.

А еще я всё-таки занялась своим физическим воспитанием. Правда, далеко не с первой попытки. И дело не только в слабохарактерности и боязни показаться смешной... Хотя кого я обманываю, в этом тоже. Однако основная проблема заключалась в поиске тех, кто отнесется ко мне серьез-

но. Ну и, конечно, финансы. С последним у нас было не сказать, чтоб туго, но и не особо густо. Бабушка обеспечивала питание, дед взял на себя прочие расходы. Родители чуток подкидывали поначалу... А потом папа женился и пообещал порадовать меня братиком. Мама, переехав в другой город, как бы тоже новую семью завела. Они собирались расписаться, как только ее будущий супруг сделает операцию по смене пола... В конце концов, у мамы все стало хорошо. Как признавал дед, мужичонку ей неплохого выстругали. Они даже ребеночка завели. Но вот когда мама только поделилась с нами новостями, то квартира у деда буквально провоняла вальерьянкой.

Впрочем, как бы не складывалась родительская личная жизнь, все неизменно приводило к урезанию моего финансирования. Причем заметному урезанию.

К сожалению, деньгами список проблем с самообороной не исчерпывался, поскольку не было ясности, где и чему учиться. В принципе, в округе различных бойцовых клубов образовалось вагон и тележка, но когда я входила в зал, то не видела ничего, кроме животного мужского желания пообщаться поближе. Их даже прыщи не отпугивали. В очередь гады вставали, чтоб показать некие особенности приемчиков. И главное девиц везде в принципе хватало, но носители Y-хромосомы бросались на меня как, муравьи на сладкое. Причем именно муравьи, так как насекомые с крылышками, насытившись, улетают, а эти прут нескончаемой толпой.

Отгадку «загадочной мужской души» после расплевывания с очередным клубом дал мне дед. Он просто поставил мое фото рядом с «Русской Венерой» (конечно, не оригиналом) и попросил найти... нет, не отличия, а наоборот. Проще говоря, мои пропорции таковы, что в мужском сознании мгновенно тренькает струна родопродолжения, резонирует и требует идти на контакт. У них, понимаете ли, как у животных, на силуэт инстинкт срабатывает. К тому же в бойцовских клубах народ с повышенным тестостероном. И тут, сюрприз, являюсь я в спортивном костюмчике по фигурке.

После дедовых мужских откровений моя самооценка претерпела существенные изменения. Поэтому если раньше, думая о себе как о чересчур полной, даже толстой особе, я обреченно тянулась к бесформенной, мешковатой одежде, поскольку стеснялась выставлять свои тела в обтягивающем, то теперь, не желая становиться добычей, без малейших сожалений выбирала тот же самый невыразительный стиль ради маскировки. Дед решение своего солнышка радостно приветствовал. С бабушкой же мы после сверх бурных многодневных обсуждений, сумели прийти к компромиссу: в моем шкафу будет нормальная, с ее точки зрения, одежда, а она не будет ворчать, что мой повседневный наряд не подчеркивает богатство фигуры.

Как ни странно, но наш договор по-новому высветил для меня мир одежды. Хотя, возможно, перемена в восприятии произошла из-за того, что бабушка стала по-женски от-

кровеннее. Линии разрезков, вышивки, украшения, перепады цвета и структуры материала, показная небрежность и намеренная аляповатость, ну и, конечно, оголенности, утратив чисто эстетическое значение, стали нести ощущения мужского внимания. Желанного мужского внимания. От которого кожа становится бархатной изнутри, рождая где-то в глубине шарик ярко-светлого счастья... Ну, по-разному у всех взросление проходит. У меня, например, проходило именно так. Но чисто теоретически, поскольку практически максимум, что вызывало окружающее мужское народонаселение, это ноль эмоций. За исключением родных, к которым, как ни странно, стал причисляться и Валерка

Осознание своего отношения к паладину свалилось на меня однажды ранним утром, когда я проспала нашу утреннюю пробежку-тренировку. До этого целых две недели вставала как штык, помогая другу выполнять врачебные предписания о легких тренировках... правда, с корыстной целью – приучить себя к постоянным упражнениям. А тут проспала. Так этот тип, заявился к нам домой, и сначала поздоровался с открывшей дверь бабушкой, затем отодвинул ее с прохода, похозяйски зашел в мою комнату, вытащил свою сонную богиню за ногу из кровати, сунул в руку подхваченное с пола нижнее белье и чуть ли не пинком отправил выполнять необходимые водные процедуры. То, что происходит что-то не совсем обычное, до меня не дошло даже тогда, когда выйдя из ванной в распахнутом халатике на босо тело, я стала ру-

гать помощника за подsunутую грязную одежду. Тут бабушка, отойдя от шоковой немоты, попросила объяснить старой дуре, в каких мы состоим отношениях. Правда, после Валеркиного «не в плотских», легче ей не стало.

В результате физической подготовкой мы в тот день не занялись, так как срочно поднятый по тревоге дед утащил утреннего гостя к себе для выяснения вопроса, да кто он собственно такой, позволять себе так много. Бабушка в свою очередь пыталась читать внучке нотации, но я была занята обдумыванием, почему во мне не родилось даже намека на смущение. Да я отца родного стесняюсь! А тут ровесник. Нахлынуло запоздалое опасение, что Валерка захочет сделать наши отношения именно плотскими. К счастью, страх оказался напрасным, поскольку, по словам паладина, после всего, что я для него сделала в больнице, он воспринимает меня, если ни как мать, то как старшую сестру. Потом друг захотел к описанному образу добавить крылышки и нимб... Но я уже скоренько согласилась просто на сестру и успокоилась.

Однако самое удивительное, что мои близкие тоже успокоились. Я до сих пор не знаю, что именно Валерка наговорил деду, только теперь никто из домашних слова бы не сказал, даже если бы мне взбрело в голову гольшом при нем ходить. До проверки этого утверждения дело не доходило, но бывали ситуации из раздела пикантных, и ни бабушка, ни дед не выказывали никакой отрицательной реакции, принимая все как естественный ход событий.

Правда однажды, когда мы уже окончили школу, у меня появились кой-какие предположения о той беседе, поскольку видела, как бабуля, углядев где-то Валерку милующегося с девчонкой, очень бурно радовалась, мол, у «Варечки» все работает как надо и в нужном направлении... Я не стала требовать уточнений.

Главное, что наши пробежки тренировки получили полный одобрямс у родных.

Попутно «братец» взялся решить мою проблему с обучением самозащиты. Тем более он сам собирался (после полного выздоровления, конечно) заняться единоборствами. Друг вообще, как оказалось, после попадания в больницу, стал слегка повернут на средствах защиты. В его карманах всегда лежало что-то весьма немирного назначения. Он и меня пытался пристрастить к своему увлечению. Однако я согласилась только на постоянное ношение пакетика молотого жгучего перца. А после моего пробного выступления с рояльной струной¹, паладин, поднявшись с земли и пригладив вставшие дыбом волосы, зарекся предлагать мне что-либо похожее на оружие. Зато у него появились причины усилить поиски курсов самообороны. И он их нашел.

Крав-Мага оказалось именно тем, что я хотела. Никакой философии, просветления, медитаций и постижения неизвестно чего. Никакого соревновательносportивного духа с

---

¹ рояльная струна – [кистень уличной шпаны: на конец рояльной струны укрепляется небольшой груз]

обязательным соблюдением правил. Все просто и незатейливо: береги себя и калечь-убивай врагов, без всякого позерства. Единственное – ездить с двумя пересадками нужно... Да и зальчик, мягко говоря, скромненький. Зато тренер, седоусый израильтянин Эри, просто прелесть. Он мою фигурку осмотрел, языком поцокал и сходу стал показывать, куда-как бить желающих пообниматься без моего согласия.

А на следующую ночь принц решил присниться в третий раз... Опять в полуголом виде. Опять оседлав табурет. Опять смотрел несколько мимо. Но вот злобы в нем не ощущалось, да к тому же на его лице не висело кислой маски. Решив, что это своеобразное отображение моей гармонии с собой, я не стала прятаться, и, воспользовавшись чудным мгновением, принялась разглядывать мимолетное видение, явно не тянувшее на звание гения чистой красоты... Впрочем, нельзя было не признать, что товарищ довольно симпатичный, но все же по красоте далеко не гений. К примеру, Валерка гораздо красивее. Хотя с другой стороны в паладине еще виделся мальчик, а вот в лице принца уже давно даже намек на подобное не осталось. Если, конечно, не считать довольно длинных волос, забранных в неаккуратный хвост. На мой взгляд, такая прическа ему абсолютно не шла и смотрелась неестественно, словно сделанная наперекор здравому смыслу. Тут его высочество соизволило меня заметить.

– Ох, простите, милая девушка, – с улыбкой промолвил он, – я попал к вам совершенно случайно и сейчас удалюсь.

Стало немного обидно, что искали не меня... я ведь о нем помнила... как бы, но с другой стороны если человек просто ошибся дверью, то не вешаться же ему на шею, уговаривая остаться. Правда, с третьей-то стороны сон мой, и уж если кто-то снится, то должен иметь ко мне хоть какое-то отношение... или нет? Да и вообще надо бы призвать свое подсознание к порядку, а то понимаешь генерит идиотских человечков, а зачем не объясняет.

Тем временем, принц расслабился и сказал куда-то в сторону:

– Не она. Отключай дружище.

– И судя по тому, как быстро ты выскочил обратно, – ответил голос за кадром, – девица впечатление на тебя не произвела.

– Ну почему же произвела... – ответил «ночной гость», мгновенно возбудив мой интерес к продолжению сна, – ... очень сильное впечатление. Я бы даже сказал просто до жути сильное впечатление...

«Ну, это уже верх хамства, когда на тебя твои же сновидения наезжают», – подумала я, с моментально закипающим раздражением.

Принц вздрогнул и нервно заозирался.

– Ты чего, твое высочество? – поинтересовался невидимый.

– Да слышалось наверно, – неуверенно пробормотал тот в ответ, – у тебя там точно все выключено?

– Точно. Иди сам посмотри.

Понимание, что породившее принца подсознание готово уступить мне главную роль во сне, словно вдохнулось в мозг.

– Если кто не расслышал, то повторюсь – начала я, отметив со злым удовлетворением, как принц снова заозирался в поисках источников звука, – что для иллюзорных личностей, вы обладаете повышенной хамоватостью.

– Оп-па, – растерянно промолвил закадровый, – кажется, я тоже что-то услышал...

– Тссцыц! – цыкнул на него принц, и активно замахал руками.

– Кстати, – продолжила я, – ваше жестикулирование тоже трудно отнести к вежливому обращению.

Принц замер и, сглотнув, произнес:

– Э-это вы мне?

– Вам!

– Э-э...

– Похоже, у этой полуголой иллюзии, серьезные проблемы с речью, – констатировала я, после чего решила слегка надавить на подсознание, – может ее стоит заменить на другую?

Принц аж подпрыгнул на своей табуретке:

– Как заменить?

– Ну не знаю... вы может развеетесь, а кто-то другой сойдет.

– Я развеюсь? – его безмерное удивление, кажется, переплюнуло планку «выпасть в осадок».

– Ну не я же? Кстати, можете начинать.

– Начинать что?

– Развеиваться, конечно! И пусть новенький будет одет, а то этот сидит как в бане.

Принцева челюсть скользнула вниз, придав ему шарм идиота. Осталось только глазами похлопать для окончательной образности. Что он и сделал моргнув несколько раз. Получилось очень картинно и позитивно... в смысле, мне становилось весьма позитивно. Наконец высочество встрепенулся, ощупал свою голову, померил пульс и вынес вердикт:

– Это какой-то бред.

– А! – тут же отозвалась я, – вы бред! Тогда понятно.

– Что понятно?

– Понятно, почему вы не рассеиваетесь. Бред ведь сознанию не подконтролен, – блеснула я внезапной эрудицией, – а значит, придется вас терпеть. Впрочем, есть надежда, что вы сами по себе скоро уйдете. Вы ведь скоро уйдете, правда? Может даже, уже уходите, а?

Принц встрепенулся и с видом человека, решившего показать, кто здесь главный, спросил:

– И куда я должен, по-вашему, уйти?

– Судя по вашему виду, в баню, – ответила я, совсем не впечатленная его преображением.

– Помоги мне Всепрощающий, да чем вам мой внешний вид не угодил?

– Я, конечно, могла бы ответить: «Всем», – принц раздра-

женно фыркнул, – но я лучше вас спрошу... Вы в гости к друзьям тоже заявляетесь в таком виде?

Вот тут принц смутился... и так мило стал выглядеть, что я невольно залюбовалась им.

– Понимаете, – выдавил он из себя, – вы застали меня в такой момент...

– Интимный?

– Почти... – смущение принца уже било через край, – я шел к своей невесте.

– Пфф, – пояснение развеяло его «милоту», царапнув меня обидой, – в таком виде идти можно либо к жене, либо к любовнице.

Тут вмешался закадровый товарищ неожиданным выкриком: «Она...!»

Полуголый озадаченно покосился в сторону, но тут же, словно получив подсказку... хотя почему «словно»? Совершенно точно получив подсказку, воспрянул и заговорил в слащаво бодренькой манере, точно с избалованным ребенком влиятельных людей:

– Девушка, знаете, я восхищён вашей сообразительностью и, так сказать, нетрадиционным подходом к делу...

– Точно бред, – откомментировала я, невольно кривясь от источаемой сладости, – хвалят за всякую чушь.

Тип на табуретке дернул головой, но тон не изменил:

– ... поэтому я считаю, вы вполне достойны принять приглашение во дворец...

Он замолчал в ожидании реакции. Я тоже молчала, но в отличие от него без каких-либо ожиданий.

– Девушка? – сдался первым полуголый.

– Это вы мне?

– Конечно, вам! – он просто сама слащавость, – разве здесь есть еще какие-нибудь кандидатки?

От оскомины во мне взбодрилась Червоточинка:

– Откуда мне знать? Может, вы так своего приятеля зовете?

– Что?! – возмущенно взвыл закадровый, но тут же, подчиняясь почти незаметному жесту принца, замолк.

– Мой помощник, не девушка, – с вежливой строгостью заявил собеседник, попадая в классический развод.

– Это не повод для гордости! – заявила я, и, спустя пару громких возмущений невидимого, добавила, – надеюсь, вы его цените не за это. Впрочем, вы же уже, говорили, что вас застали в интимный момент. И покушаться на ваше право решать, как и с кем проводить свое личное время, я не собираюсь. Вот только не понятно, почему вашего приятеля называть невестой можно, а девушкой нельзя?

Закадровый рычал, табуреточный молчал и бордовел, а я же удовлетворенно наслаждалась происходящим цветомузыкальным произведением.

– Девушка, между прочим, перед вами принц, – как бы спокойно заговорил полуголый.

– Тот, что на белом коне? – мгновенно отреагировала я-

Червоточинка.

– Не заговаривайте мне, зубы! – начал распляться его высочество, вскакивая на ноги, – Причем здесь лошадь!

– А какой же ты принц, если не на белом коне?

– Нормальному принцу конь не нужен!

– Как и одежда.

– Причем здесь одежда?

– Глядя на вас, понимаешь, что абсолютно ни при чём...

– Так, – принц сделал глубокий вдох, и я даже поставила ему жирный плюсик за попытку успокоиться, – наше общение превращается в круговорот глупостей. Может быть, мы попробуем начать сначала. Представимся друг другу...

– Если начинать сначала, то до «представимся» нужно одеться. Или у вас за душой только штаны и табуретка?

– Девушка, уверяю вас, ни с доходом, ни одеждой у меня проблем нет.

– То есть проблемы только с воспитанием. Вас как мама в детстве не учила?.. – тут до меня дошел сюрреализм происходящего, – Боже мой, о чем я говорю? Спрашиваю про маму у иллюзорной личности, которая откровенно назвалась бредом...

Тип на табуретке как-то растеряно посмотрел в сторону, наверно на закадрового с его загадочной аппаратурой и удивленно произнес:

– Почему иллюзорной?

Но я уже его не слушала. Разговор внезапно стал утом-

лять. Появилась мысль проснуться и отдохнуть от сна. И я, бросив напоследок «Пока, бредятина!», окунулась в темноту, ведущую в реальность.

Глава II

Часы показывали начало четвертого. Я сидела на кровати, пытаясь осмыслить увиденный сон. Вроде бы чистая бредятина, но с другой стороны... Как часто людям снятся личности, которых они никогда не видели в жизни... причем повторно и подробно. Да еще искренне удивляющихся, что их считают иллюзией... Или это сигнальчик подумать о душевном здоровье.

Проведя остаток ночи в бесконечных раздумьях, я пошла в школу в преотвратном настроении, что немедленно почувствовали попавшие мне на язычок одноклассники. Даже физичка, после урока отозвала в сторону, и, сказав, что, понимая меня по-женски, все же просит постараться не приносить раздражение критических дней в решения задач, особенно если решаю их у доски для всего класса. По-моему она потом еще сходила и предупредила обо мне других учителей, уж больно странно они на меня смотрели. А может просто показалось.

Валерка стал единственным не шарахавшимся от меня человеком. Он с монотонной настойчивостью выспрашивал о причинах повышенной стервозности, полностью игнорируя всю кусачесть. Его упорство привело к окончательной победе вечером, когда по пути на тренировку я сдалась и рассказала про сон. К моему удивлению вместо ожидаемых добро-

душных шуток-утешений из друга посыпались уточняющие вопросы. Абсолютное большинство казалось довольно идиотскими и незначительными. Однако он спрашивал с такой напористостью, что невольно хотелось узнать, что можно выяснить из длины волос, материала штанов и цвета глаз. Наконец доморощенный Шерлок Холмс закончил и с видом «Это элементарно, Ватсон!» заявил, что ничуть не удивлен и давно подозревал о моей особенности, после чего озвучил вывод: приснившийся – не иллюзорная личность, а вполне конкретный человек. В ответ на озвученный мной в паре слов скептицизм он приступил к оглашению доказательств. Мол, мозг, рождая фантомные образы, не заморачивается с проработкой деталей. Точнее, он может выделить пару конкретных ярких черт, но на этом все. Даже если сняты знакомые, ты просто знаешь, что это какой-то конкретный человек, а то, что ничего похожего у реальных и привидевшихся образов даже близко не наблюдается, никого не волнует. Я же могу не только описать четко, в подробностях, черты лица, но и увидеть изменения с прошлой встречи. Мало того, табуретка тоже не избегла моего внимания... Контраргумент, что нет таких принцев, умеющих хорошо балакать на моем родном языке, был отбит идеей ментального общения образами.

– Слушай, Валерка, откуда ты такой умный, а?

– Издеваешься? Ты же сама таскала в больницу научно-популярные журналы, приговаривая, что нужно расширять кругозор...

– Так ты их что, все подряд читал?

– Ты же сказала... Кстати, у отца на компе есть фоторобот.

Может, попробуем составить портрет твоего ухажера?

– Портрет составим, – согласилась я, моментально заинтригованная процессом составления картинки, – но твою теорию все равно не приму.

– Принимай, не принимай, но я думаю, вы связаны. Так что с тебя приглашение на свадьбу.

– Ага, будешь подружкой невесты.

– Для тебя, богинюшка, хоть пупсом на машине.

Разговор скатился на обычный треп и, странное дело, но все мое накопленное за день раздражение постепенно сошло на нет. И тренировка прошла без эксцессов.

Однако на следующий день после школы Валерка чуть ли не на буксире потащил меня к себе домой составлять портрет. Путного из этой затеи ничего не вышло, поскольку все физиономии получались из серии «Их разыскивает милиция». Но Валерчик все равно сохранил себе пару штук.

Я же взяла самый удачный, вклеила его потом в дневник и подписала: 'Жених из сна – принц без коня'. Хотела еще написать про то, как не верю в него, но не стала. Пару дней спустя, думала разразиться писаниной о том, что хотела бы с ним встретиться, но тоже не стала. У меня так и осталось в дневнике: портрет и пустой лист рядом с ним. Словно какая-то недосказанность. Зато теперь, когда в мозг лезли мысли о будущем, я открывала портретик и... нет, ни грезила

и не мечтала, а просто смотрела на «суженного» и пыталась понять, чего собственно мне хочется от этого самого будущего. Постепенно портретик получил имя «ЭМБэ», то есть «Мое Будущее».

Кстати, на Валерку портретик тоже оказал воздействие. Спустя пару недель, ко мне пришла его заплаканная мама и, попросившись поговорить тет-а-тет, стала «потихоньку» выяснять, как их сын относится к мальчикам. Не очень поняв, куда она клонит, я решила, что родители боятся, как бы их ребенок опять не стал жертвой жестоких разборок, поэтому уверила мамашу в крепкой дружбе ее чада с другими парнями. В ответ гостя разразилась Ниагарой слез. Десять минут спустя, сдобренных валерьянкой и стаканами холодной воды, выяснилось, что мой друг в последнее время увлекся коллекционированием фотографий мужиков. Причем старается выбирать с оголенными торсами. Родителям он ничего толком не объяснил, от чего несчастные решили, что у них вырос поклонник однополой любви. Не понаслышке зная, какими заинтересованно-голодными взглядами приятель провожает женские фигурки, я попыталась ее утешить. В ответ бедняжка рассказала о как бы случайно подсунутом, но проигнорированном мужском журнальчике, что «для его возраста ненормально». Вот тут уж мне стало по-настоящему интересно, поэтому предложила пойти разобраться на месте. Страхи мамыши за нежную психику сыночка были проигнорированы, и мы отправились к ним домой,

прихватив по дороге нервно курящего на улице папашу.

Естественно, правда оказалась на моей стороне. Но и в полнейшем шоке тоже оказалась я, поскольку подборка принцев современности предназначалась мне в подарок. Вот уж не думала, что в современном мире так много этих как бы редких зверей. Целый фотоальбом. Вот только ни один из них не походил на портретик. Однако паладин, крайне низко оценив мое умение работать с фотороботом, решил показать всех найденных кандидатов, дополняя картинки биографией, историей его семейства и места проживания. Проще говоря, штучка получилась весомая. Поэтому, слегка полистав сей труд, честно попыталась отказаться от подарка. Неожиданно вмешавшийся папаша активно поддержал сыночка, сказав, что сам поможет мне донести иллюстрированную энциклопедию женихов до дому. Наверняка просто захотел побыстрее избавиться от этой ерундистики.

И мы пошли. Друг же остался воевать с физикой.

Мне галантно предложили руку. Смутьившись, я отказалась, однако ощущение, словно пошла на свиданье с взрослым мужиком, осталось. Потом вспомнила, что в подборке принцев есть личности, возраста моих родителей, и чувствительность усилилась. А тут еще меня окинули таким очень мужским взглядом... В книжках пишут про раздевающий взгляд, так этот оказался раз в десять мощнее. По сравнению с ним подглядывания мальчишек, «случайные» прижимания в транспорте и на тренировках, даже поход к гине-

кологу (а по твердому убеждению бабушки врач, тем более женский, обязательно должен быть мужчина)... Так вот все это по сравнению с этим взглядом снизились до уровня воздушного поцелуя. Жар и холод прокатились по мне волнами... хотя, пожалуй, жара случилось больше, а от холода только мурашки. Зато такого размера, что одежда завибрировала и... как говорится в анекдотах, после такого вполне можно было уже и перекурить... Или заявление в милицию писать.

Уж не знаю, каким чудом мне удалось удержаться в вертикальном положении: ноги буквально подкашивались, заставляя руки искать дополнительную опору... Например, плечо, а лучше шею шагающего рядом мужчины... И чтоб он, конечно, спасая меня от падения, обхватил своими приятными руками, прижимая к себе... Покрепче...

Пальцы вцепились в карманы куртки, помогая мозгу отбивать атаки гормонов. Но напор был велик, давая своей необузданностью пояснение книжному «гиперсексуальность подросткового возраста». И еще я прикусила изнутри щеку, мешая, идиотской приглашающе-все-разрешающей улыбочке выползти наружу под бросаемыми на меня взглядами.

Внезапно все прекратилось. Вернее, в голове и теле жуткий ералаш смущения-возбуждения еще продолжался, но вот воздухе секс флюиды вымерли как динозавры. Пару почти спокойных вдохов спустя, я заметила, что мой сопровождающий старательно смотрит под ноги. Буквально при-

ковал свой взгляд к асфальту. А еще через пару шагов во мне родилась уверенность, что Валеркин отец сам себя загнал в ловушку. Сначала решил поиграть, поулыбаться, посмущать, но неожиданно для себя увидел в однокласснице сына весьма половозрелую девицу, и теперь он упорно гасит в себе мужской интерес к малолетке, пытаясь вернуться к ненесущему проблем «как было». «А поздно, – прошипела моя мстительность, – я уже стала твоим бесом в ребро». Еще бы самой успокоиться...

– Все-таки Елена, – внезапно заговорил спутник, – я боюсь, что опасения по поводу сына имеют под собой почву. Вот смотри сама: вы с ним дружите, но при этом ни о каком тесном контакте речь не идет... А это не нормально для мальчика.

– Хорошенькое дело, – насупилась я, чувствуя как легкая обида, даже скорей искусственный намек на нее, помогает восстановить порядок в голове... ну и ниже тоже, – то есть, по-вашему, выходит, что если я не воспринимаю Валерку как мужчину, то это считается нормальным?

– Вот я о том и веду речь! Ни он тебя, ни ты его... – подхватил он с неподдельной горечью, – Словно... подружки... А он же мужик! Он же на баб стойку делать должен... э... – смешался заботливый папаша, видимо, вспомнив, с кем он говорит, – ну это... как охотничья собака.

Его интонации и стоящая за ними боль придали совсем другой окрас предразговорному секс разглядыванию. Похо-

же, готовился мужик к довольно неординарной беседе. А то, что гормоны забурлили... Ну, на то они и гормоны, чтоб бурлить. Главное он себя в узде держит, да и за сына очень переживает.

– Не волнуйтесь Владислав Владимирович, – поспешила я с успокоением, – он делает стойку. Причем не просто как собака, а как здоровый кобель, – губы скривились в невольной усмешке, – вы бы у него лучше поинтересовались, почему дальше стойки ничего не идет... Впрочем, я вам и так расскажу. Тайна не великая. Валера после больницы боится показаться слабаком. Поэтому он решил сначала подкачаться, да рукопашному бою подучиться.

– А журнал...

– Да старый у вас журнал, – полноценно улыбнулась я, вспомнив, как покраснел наш предмет обсуждения, когда его богиня потребовала ответа, – он его уже давно видел. У него новые есть...

– Новые? Где?

– Владислав Владимирович, а выясните это без меня, пожалуйста. Я их не смотрела, и смотреть не собираюсь. Вот только уточнила у Валеры этот вопрос, предполагая, что вы поинтересуетесь.

– Ох, конечно... Извини, – и смутился, ну прямо как его сынуля.

Молчание длилось всего с десятков шагов, давших мне возможность оценить свое состояние, которое, к огромному об-

легчению, вошло в обыденно привычное русло.

– Лен, – снова заговорил Валеркин отец, – а тебя саму не задевает, что Валерка не видит в тебе женщину?

– Я в нем тоже мужчину не вижу, так что у нас с ним полное взаимопонимание.

– Это-то, конечно, да... Только ты вроде как молодая симпатичная девушка...

– Я хоть и молодая, но, мягко говоря, некрасивая. И до «просто симпатичной» мне ехать и ехать.

– Ну как ты можешь так говорить... – упрек в его голосе прозвучал так, словно он сильно обиделся за меня.

– Очень просто, – не повелась я, – в зеркало смотрюсь. Регулярно и внимательно.

– Ты про прыщи что ли? Да плюнь и забудь!

– Нет, этот метод не помогает. Он хорош только для ячменя.

– Не-е, я имел в виду...

– Я поняла, что вы хотите сказать Владислав Владимирович, но я не падкая на красивые слова, даже если мне хотят польстить из добрых побуждений. Лучше быть реалисткой, тогда разочарований меньше.

Взгляд, которым меня наградил Валеркин отец после этой фразы, был куда приятнее того жаркого, что случился в самом начале нашей прогулки. Похоже, теперь меня видели как личность... хотя кой-какие флюидики снова замелькали.

– Ты заставляешь меня завидовать своему сыну, – произ-

нес он с улыбкой, – теперь я еще больше не понимаю, почему этот глупец не проявляет настойчивости. Я б на его месте... – в мужских глазах заплясали чертенята, но хозяин их приструнил, – наверно смешно слышать такие слова от такого старика как я?

– А давайте притворимся, что вы уже развеяли мое заблуждение и я абсолютно не шокируюсь, если вы вдруг решите проявить ко мне знаки внимания как к женщине... – пошла я ва-банк.

Мужской шаг явно взбодрился, а сам Владислав Владимирович как-то приосанился что ли...

– ... Вот только на ответную реакцию не стоит рассчитывать, – грубо сбила я его настрой, – поскольку мужского внимания не ищу.

– Эгх, – поперхнулся сопровождающий, продемонстрировав живое воплощение выражения «глаза по семь копеек», – ты предпочитаешь девушек?

Мое «Нет» вылетело резко, поспешно и главное возмущенно, но я сумела взять себя в руки, добавив:

– Впрочем, это не ваше дело.

– Почти не мое, – мягко поправили меня, – все же знать как можно больше о друзьях... близких друзьях сына должен любой любящий родитель. А я себя именно к таким и отношу.

Я не стала комментировать, лишь слегка кивнула головой, признавая некоторую правоту его слов.

– ... поэтому хотел бы попросить пояснить, что именно ты ищешь, если не мужского и не женского внимания?

– Не знаю, – призналась я.

– То есть?

– Вот допустим у меня есть одноклассница Катя...

– У вас в классе Кати нет.

– Я же говорю допустим.

– А-а... извини, продолжай, пожалуйста.

– Так вот она все прочнее вживается в образ хорошенькой куколки. Ей нравится быть призом. Ценным призом. Призом, которого надо добиваться, после чего бережно охранять. А вот ее подружка любит расстёгивать верх своей блузки несколько больше, чтоб парни стекленели в ожидании, что края разойдутся чуть больше...

– Чего только не узнаешь о тинэйджерах...

– ...Правда, им ничего не светит, – продолжала я, «не заметив» комментария, – так как у нее там все булабочками аккуратно подколото. Но зато парни охотно откликаются на ее просьбы, что доставляет ей немалое удовольствие. Еще есть пара девчонок похоронивших свои мозги в модничестве: не важно, что и зачем, главное, чтоб стильно и престижно. Однако большинство девчонок видят свое будущее в осовременном повторении жизни окружающих людей. Как правило, родителей. Чтоб дом-муж-дети-работа.

– Это ж прямо переложение немецких трех Ка!

– Кухня-церковь-дети? – уточнила я и признала, – похоже,

но только не в отрицательном смысле ограниченности, а как к ключам к простому женскому счастью. Они же видят мам, и совсем не против, чтоб у них было так же хорошо. Ну, с некоторыми вариантами. Впрочем, есть еще такие, которые хотели бы комбинации вышеперечисленного...

– А есть те, кто думает в первую очередь о карьере...

– В нашем классе нет, но я встречалась с такими.

– А где ты в этой картине? – прозвучал ожидаемый вопрос.

– Нигде. Сажу в сторонке, смотрю на них на всех и думаю, то ли не вызрела, то ли мозги набекрень сбиты.

– То есть ничего из целей твоих одноклассниц тебя не вдохновляет?

– Ну почему же, мне тоже нравится красиво одеваться, нравятся модные штучки, и мысли о будущей семье и детях не вызывают у меня неприятия. Вот только... – я замолчала, пытаюсь подобрать слова.

– ... только... – спустя несколько шагов напомнил собеседник.

– Только все это, кажется, мелочным, что ли, – вздохнула я, – словно шелуха, под которой нет сути... – пара шагов раздумий, – может не шелуха, а просто внешний атрибут. Но ведь внешнее должно основываться на чем-то внутреннем, а оно у меня не вызрело. Ни желания, ни стремления. А посвящать себя в чисто внешние роли не очень хочется, так как оно, внешнее, сформировать внутреннее сможет, а

вот наполнить его содержимым, скорей всего, нет. И будет жизнь без драйва.

– Знаешь... – произнес задумчиво Валеркин отец без всякой сексуальности во взгляде, – пожалуй, теперь я понимаю своего сына. Ты внутренне намного его старше.

Я пожала плечами:

– Спорить не буду. Возможно со стороны виднее. Но и не соглашусь тоже. Ведь в моем взгляде на жизнь еще много неопределенностей.

– Что же заставило тебя так смотреть?

– Прыщи.

– Не понял?

– На лице выползли прыщи, – пояснила я, – заставив самомнение считающей себя симпатичной девушки скатиться до последней в ряду претенденток на мужское внимание. Озлобляться не хотелось, убиваться в отчаяние тоже. Пришлось как-то пересматривать интересы и желания. А оказалось, что нет никаких интересов и желаний.

– Получается, прыщи убили у тебя интерес к простым радостям? – продолжал доискиваться до причины спутник.

– Получается, что став уродливой, я поняла, что уродливо живу.

– Хм-м, а тебе не кажется, что в твоих речах звучит подростковый максимализм-нигилизм?

– Скорей всего. Я же все-таки подросток, когда ж ему звучать, если не сейчас?

– А он тебе позволит выслушать мнение со стороны?

– Ваше?

– Мое.

– Выслушать позволит, последовать вряд ли. Вы все-таки лицо предвзятое и скорей всего в ваших рассуждениях, пусть даже ненамеренно, может гнездаться желание через меня влиять на вашего сына.

– Сильно.

– Но честно... и, кстати, мы уже пришли. Спасибо, что проводили. Давайте мне альбом.

Валеркин отец взглянул на протянутую руку, но отдавать подарок не спешил.

– Дай мне все же высказаться напоследок. Так сказать, выбить чуток почвы из-под твоего нигилизма. Во-первых, прыщи явление противное, но проходящее.

– «И это пройдет», – сказал мудрец.

– Именно. Они не главное. Главное как ты себя подаешь. Мы, мужики, бросаемся не на самое красивое, а на самое яркое, эффектное. У тебя, сказать откровенно, классная фигурка. Это не лесть, – добавил он, заметив мою невольную гримасу, – и тем более не подкат. Просто констатация факта. А если в дополнение ты себе придашь шарму косметикой, одеждой или даже поведением, то отбоя от поклонников не будет.

– Я это знаю, только смысла не вижу.

– Я пока не говорю о смысле, а объясняю, что твоя так

называемая некрасивость – это скорей недооценка себя. Будешь считать себя уродиной, и другие почувствуют это и согласятся. Будешь считать себя яркой и красивой – и тебя будут так воспринимать. Нет, не возражай, – остановил он меня, – так как я не собираюсь доказывать, что оно тебе надо. Просто прими как данность, что в тебе есть потенциал заткнуть за пояс любую красотку. О смысле же я рассуждать не возьмусь. Да и, пожалуй, у всех он свой. Однако кой-какую мыслишку я тебе подкину. Недостаток твоей философии в манипулировании слишком глобальными категориями. Жизнь же... Она, знаешь ли, состоит из кучи повседневных мелочей. Они создают радости и горести, которые в конечном итоге создают ощущения счастливой или несчастной жизни. А у мелочей, как правило, смысловой нагрузки если и не ноль, то близко к этому. Так что старайся не сильно зарываться в «Зачем?» и «Почему?»... Вот, держи свой альбом, и спасибо, за Валеру.

Глава III

Домашние смотрели хоккей. Дед, вообще-то, больше фигурное катание любит, а вот бабушка не пропускала ни одного матча. По ее рассказам началось все из-за боли от потери мужа. Она садилась перед телевизором, как бы в память о супруге, заядлом болельщике. Поначалу смотрела, вспоминая, как он радовался голам, ругал судей, пересказывал голевые моменты. Однако игра «настоящих мужчин» оказалась коварной соблазнительницей пожилых женщин. И вскоре бабушкина жизнь стала подчиняться расписанию хоккейных трансляций. Видимо у нее с ушедшим супругом было гораздо больше общего, чем они думали... Впрочем, может и хорошо, что не думали, и поэтому у бабушки появился способ выйти из уныния.

Но самое главное, хоккей дарил ее внучке приличный кусок свободного времени. А мне как раз стоило побыть одной, чтоб спокойно поразмыслить о прошедшем разговоре. И начать видимо с оценки, что именно видел собеседник, бросая свой жаркий взгляд.

Подойдя к шкафу, я открыла дверку. Укрепленное на ее внутренней стороне большое зеркало отразило цветущие буйным цветом прыщи. Не вдаваясь в разглядывание, я отошла подальше, стараясь охватить взглядом фигуру целиком. Валеркин отец назвал ее классной. Да и мужики в спортклубе

бах уже надавали достаточно поводов не сомневаться на этот счет. Но хотелось бы не просто возбуждать инстинкты, а восхищать, не вызывать стремление к продолжению рода, а желание полюбоваться... мной.

Это не правда, что мне не нравится лесть. Она греет душу, замёрзшую от реальности. Ведь доброе слово даже кошке приятно. Наверно это и есть одна из тех мелочей, из которых, по словам Владислава Владимировича, состоит жизнь. Можно миллионы раз говорить себе что уродлива, но стоит лишь услышать искреннее «красавица» и мозги поплывут...

Мои точно поплывут. Даже самой страшно, до какой степени растаю. А если еще будут смотреть таким взглядом, как Валеркин отец, то...

Захотелось по новой пережить те ощущения, чтоб почувствовать все до конца без ненужной борьбы самой с собой. Да только толку в том, что захотелось. Воспоминаниями о еде не наешься.

Легкое, но ожидаемое разочарование, вытолкнуло на поверхность глупенькую идейку и... все равно никто не узнает, а мне нужно подурачиться.

«Нужно подурачиться» – это деда слова. Он твердо убежден, что если бы люди не стеснялись иногда подурачиться, то половина проблем современного мира бесследно рассеялась. Я наверно тоже так считаю, потому что временами с удовольствием предаюсь незатейливым глупостям. Их потом так забавно вспоминать! Например, ошарашено вытянутые

физиономии «очень взрослых» одноклассниц, когда я предложила на переменке попрыгать в детские классики. Кстати, тогда меня неожиданно поддержали Молёк с Дилярой. И это действительно оказалось очень весело. Десять минут искренних дурачеств, показных обид и споров про нечестно, да про кто куда заступил. А эти «взрослые» морщили носы, снисходительно улыбались и... завидовали.

С другой стороны большинство дурачеств у меня случаются наедине с собой. Причем по одной простой причине: если рядом никого, то никто не отвлекает, и можно чудить в полное удовольствие.

Но вот так, что б главным было «никто не увидит и не узнает», случилось, возможно, первый раз жизни... Если не считать мелкие детские пакости, конечно. Сейчас речь шла совсем не о пакостях. Я буквально подначивала сама себя, раздувая желание попробовать, и пальцы, побежав по пуговицам блузки, принялись шустро освобождать их от петель.

Вся одежда лежала на кровати, однако решимость обернуться к зеркалу зацепилось за сомнения, что собираюсь заняться чем-то постыдным. Вот только зацепилась она совсем слегка, поскольку сомнения были маленьким, а желание узнать получиться или нет большим.

Я обернулась. Никаких изменений. Сотни раз виденное отражение. Где надо подбрито, где надо подстрижено. Мамина строгость привила привычку следить за своим телом. Наверно нужно быть ей за это благодарной. Только вот теперь

смотрю на себя как на зону ответственности, от чего идея окинуть себя мужским взглядом провалилась с треском. Не помогли даже изгибания на манер девиц из журнальчиков... Конечно, же, эти популярные издания не миновали моих ручек: любопытство – сила великая... почти необузданная, а у паладина стопка внушительная, поэтому не сунуть свой нос в красочный глянец, я просто не могла. Только Валеркиному папаше совершенно необязательно знать все подробности. Хотя, по большому счету, мне и рассказывать нечего. Не впечатлило. Просто совершенно не впечатлило. И чего заходиться? Ну, девицы... Ну, красивые... Ну, выставляют напоказ то, что принято скрывать от чужих глаз, так в музеях стоит полно античных статуй, демонстрирующих себя с той же откровенностью и с полной доступностью. А живопись, кажется, вообще на пятьдесят процентов состоит из картин дамочек различной обнаженности. Вот и получается, что ничего нового эти журнальчики не привнесли, если, конечно, не считать приобретение огромной аудитории путем установления цен, доступных даже школьнику.

Однако понимание, что чувствует этот самый «даже школьник», разглядывая подобные картинки, отказывалось укладываться в мою голову. Наверно сказывалось то, что «сексуальное влечение», как и последующий рассказ о пестиках и тычинках оставались для меня слишком теоретическими предметами. С другой стороны, тот же Валерка не может похвастаться практическим опытом, но на него эти

цветные картинки явно производят будоражащее впечатление. Даже завидно немного, словно его в обход меня приобщили к какой-то тайне.

Непонятная обида подтолкнула меня зайти дальше кривляний-изгибаний. Я представила мужские руки на своем теле и... неприязненно вздрогнула. Слишком сильны оказались воспоминания о вполне реальных прикосновениях, вполне реальных мужских рук, не стеснявшихся грубо ладью в транспортной толкучке. После таких поездок я всегда тщательно мылась, стараясь соскоблить с себя мерзкие ощущения. Так что в моей «игре» всякие прикосновения руками исключались напрочь... Разве что...

Сложив ладони лодочками, я наполнила их округлостями своей груди, слегка приподняв ее. Мягкий нежный вес, рожденный теплый огонек радости. Она была так же далека от изначальных ожиданий как солнечный лучик от жаркого костра, однако в ней нашлось достаточно силы смыть без остатка даже намеки на транспортные воспоминания. Перед глазами ожила картинка, увиденная лет пять тому назад. Тогда я первый раз вживую наблюдала, как женщина кормит малыша грудью. Действие завораживало. Оно было сродни волшебству, которое совершенно неожиданно коснулось меня, подарив счастье осознания, что мне повезло родиться девочкой. А значит когда-нибудь придет время, когда я смогу вот так же прижимать к себе своего ребеночка и видеть, как он старательно, с упоением пьет мое молочко. От пережитого

восторга я не могла отойти очень долго. Даже в куклы начала играть.

Мама посмеивалась, что нормальные девчонки в моем возрасте завязывают с такими детскими играми. Но ее слова совершенно не задевали меня. Как правило, я в ответ с независимым видом уходила к себе в комнату и... одежда сбрасывалась с плеч буквально за доли секунд. Кукла – большой младенец неопределенного пола – всегда лежала наготове. Я подносила ее к своей тогда еще совсем плоской груди, тщательно следя, чтоб кончик соска попадал в приоткрытый кукольный ротик. И еще обязательно, чтоб ручка младенца упиралась в меня, чтоб как на виденной мной картинке, маленькие пальчики сжимали грудь. А потом можно было смотреть краем глаза в зеркало и видеть, как мама, то есть я, с любовью кормит ребеночка. Иногда с кухни утаскивалось молоко, и тогда «кормящие» соски украшались маленькими белыми капельками. Только для меня это не было игрой. Точнее, это была игра, но совершенно отличная от любой другой, потому что я относилась к ней как-то по-особому. Как к колдовскому ритуалу, или, точнее, как к молитве. К молитве о будущем.

Все прекратилось в тот момент, когда мама во время какой-то примерки, сказала, что мне нужны новые майки, а то старые слишком сильно обтягивают набухшие соски. Я очень четко помню, как по всему телу разлилось чувство глубокого удовлетворения... И любовь к занятию с куклой слов-

но отрезало. Когда спустя пару месяцев папа отвез «младенца» в компании с практически всеми моими игрушками в какой-то детдом, у меня в душе ни одна струна жалобно не тренькнула. Зато теперь, стоя перед зеркалом и удерживая в руках свои округлости, я вновь ощутила радость от того, что я девушка, и что стала гораздо ближе к той заветной картинке, виденной краем глаза в зеркале. Ну, по крайней мере, физиологически ближе.

Стук в дверь, словно холодной водой, окатил меня реальностью, заставив испуганно метнуться к лежащей на кровати одежде. Хорошо еще, что в бабушке сильна «театральная» привычка, пообщаться, не врываясь в примерку без приглашения. Вот только сердце в груди так бухало, что, кажется, его стук отчетливо слышался не только за фанерной дверью, но и в соседнем доме. Однако бабушка ничего не почувствовала. Узнав, что Валеркина мамаша приходила из-за беспокойства о возможном участии сыночка в пацанских разборках, она ушла смотреть заключительный период.

Я вытерла выступивший на лбу пот трусами. Ну что было зажато в кулаке, тем и вытерла. Потом рассмотрела и со смехом повалилась на кровать. Под руку попался Валеркин подарочек. Перевернулась страница, за ней другая, третья... эдакая роскошно голая королева, рассматривала возможных женихов... Вполне достойное завершение сегодняшних чудачеств... Вот только перелистывание альбома оставило в душе какую-то незаконченность. Словно ожида-

емое не свершилось. Глаза в надежде оббежали комнату, старательно не замечая кучку требующих внимания учебников, пока не остановились на дневнике. Несколько мгновений, и с установленной вертикально тетради на меня взирал принц из сна. А я стояла передним без единой тряпочки на теле... Черные зрачки его глаз, казалось, впитывали меня целиком, но совершенно не давали подсказки о его возможной реакции. Будет ли это жаркий взгляд, липко-мерзкое желание. А может равнодушие, или омерзение... Хотя, конечно, лучше думать о хорошем. Ведь речь идет о его реакции на меня любимую. Вот только игра с мечтой оказалась до обидного «мелкой». Я ведь не обманывала Валеркиного отца, говоря о незрелости своих желаний. Ну, добьюсь, допустим, до своего принца. Получу свою кучку приятных мелочей, а дальше что? «Киндер, кюхе, кирхе» и финита ла комедиа? А стоит ли оно того? Да и сколько времени он будет так на меня смотреть? Вон сегодня, окинули ТАКИМ взглядом, а к концу прогулки от того желания и намека не осталось. Дальше-то что?

Упреки и раздоры как у моих родителей? Или сравнительно мирное уживание, как у бабушки с дедом? Окончательно, плюнув на недоделанные уроки, я уселась на стул перед картинкой... глаза в глаза... пытаюсь в очередной раз понять, что же я хочу найти в своем будущем. Ответа, естественно, не было, зато выговорилась от души.

А ночью приснился принц. Одетый. Правда, костюмчик

сделан вроде как из не шибко дорогого материала, но в непривычных очертаниях одежды чувствовалась рука мастера. Однако для меня сам факт одетости «ночного посетителя» стал, мягко говоря, шокирующим. Я-то завалилась спать голышом, шутливо подзадоривая себя мыслью, выскочить перед принцем а-ля натюрель, да посмотреть, какую реакцию «его высочества» родит мое подсознание. Он же возьми и приснись именно в эту ночь. Тут еще в висках застучали Валеркины доказательства о том, что визиты наносит вполне реальный человек. Лицо буквально вспыхнуло от накатившего смущения, что, видимо, дало принцу шанс быстро высмотреть меня в темноте. Он приосанился на своей табуретке, и с хорошо поставленной теплотой в голосе произнес:

– Милая девушка, позвольте мне, принцу Сердца Мира, пригласить вас на королевский бал невест...

– Не позволю, – буркнула я, перебив его торжественную речь.

– Простите, что вы сказали? – слегка растеряно переспросил выбитый из помпезной колеи вещатель-приглашатель.

– Не позволю, – повторилась я.

– Что не позволите?

– Не позволю вам пригласить меня на бал чьих-то невест.

– Что значит 'чьих-то'? – очень искренне возмущился принц, – они мои невесты... ну потенциально.

– Поздравляю, но мне-то с какой радости там появляться?

– Так вы же тоже невеста...

– Оп-паньки! – удивилась я, – без меня меня женили.

– Вообще-то нет. Это церемония выбора невесты...

– Нет, не трудитесь с пояснениями, поскольку для меня все звучит, как заросли крапивы для нудистки, – сорвавшаяся с языка несколько сумбурная аллегория прокатилась под одеялом волной по голому телу, оставив после себя приятную шаловливую щекотку. Мозг «вздохнул» и сконстатировал: кокетничаю. Неожиданный вывод устроил маленькую войнушку между «Ух ты, давай еще!» и «А оно мне надо?». Победил сумбур в голове... ну и в других местах, тех, что прятались под одеялом, он тоже победил.

Видимо моя самоборьба прошла незаметно от принца, поскольку он, судя по расфокусированному взгляду, явно пытался увязать сидение в крапиве голышом с балом своих невест. Наконец, решительно дернув подбородком, высочество расцвел новой дежурной улыбкой:

– Признаю, вы меня несколько озадачили своими ответами. Кроме того, насколько я помню историю, еще не было ни одного раза, чтоб девушка отвечала отказом.

– Все бывает в первый раз.

– Интересная мысль. И все же я к вам пришел...

– В прошлый раз, когда вы ко мне заявились, то сразу заявили мол, ах ошибся, а теперь вот нате: «Я пришел к тебе с приветом». Спасибо, идите обратно.

Принцева улыбка несколько подувяла:

– Ну, это... я ошибся, тогда.

– Это вы сейчас ошиблись, ломанувшись туда, где натоптали грязными ногами.

– Хм, хорошо, я признаю, что в прошлую встречу мое поведение было не совсем корректным...

– Проще говоря, бестактным хамом, – завила я и самоозадачилась: а бывают ли тактичные хамы?

Принц же дернулся как от пощечины, но, удержав на лице пусть и несколько потускневшую улыбку, продолжал:

– ... однако иногда и Всепрощающий ошибается. Наверняка в прошлом у вас тоже случались промахи, и вам приходилось рассчитывать, только на великодушие окружающих. Так неужели я не могу надеяться на ваше великодушие? Тем более что речь идет и о вашем будущем тоже. Может, мы сможем уладить наше небольшое непонимание? Скажем, если вам предоставят некие дополнительные условия. Например, я вам дам первый тур вне жеребьевки... – высочество слегка подождал моей реакции, но, видя безуспешность попытки, вбросил дополнительный приз, – ... или, к примеру, вы получите добавочный тур, который сможете использовать в любой момент по вашему желанию.

– Другими словами вы хотите утешить меня тем, что я проведу больше времени с личностью, обидевшей меня.

– Я бы так не говорил...

– А я бы так сказала!

– Хорошо, – тон принца сделался неулыбчиво деловым, – давайте, милая девушка, назовите ваши условия.

– Для начала перестаньте называть меня милой девушкой.

Глаза собеседника стали большими, даже очень большими, а линия твердо сжатых губ превратилась в удивленно вытягивающуюся «о».

– Во-вторых, – продолжала я, однако справившийся со своей нижней челюстью принц, меня перебил:

– Подождите, чем вам не угодило обычное вежливое обращение?

– Не знаю для кого оно обычное, но лично мне неприятно, когда меня величают милой, а сами так не думают.

– Это почему вы решили, что я так не думаю?

– Вам как процитировать, ваше высказывание по поводу моей внешности, которым вы описали вашему товарищу нашу предыдущую встречу?

Он почти смутился:

– Пожалуй, тогда понятно, что для вас компенсационное предложение прозвучало несколько занижено.

– Пожалуй...

– С другой стороны это был просто маленький дружеский междусобойчик, – снова улыбка, – а чего только в кругу приятелей не скажешь для красного словца... Разве это стоит принимать во внимание?

– Мне что, есть дело до того, чтоб разбираться для какого словца меня пропесочили?

– Похоже, что нет... Та-ак! – принц аж подпрыгнул на своей табуретке, – Стоп! Так значит, ты и есть та девица, кото-

рая считала меня сновидением?

– Ха! Получается вы, ваше безлошадное высочество, нахамили не только мне! А я-то думала, раз сегодня заявились одетым, то уже исправляетесь.

– Опять про белую лошадь! – воскликнул он, – милая де-вушка...

– Опять?! – в свою очередь возмутилась я.

– Помогите мне Всепрощающий! Да как же вас тогда называть-то?

– Ну... – я даже немного растерялась. В школе-то либо по имени, либо по фамилии кличут, но здесь явно не тот случай. На каких-либо митингах учащимися называют – тоже не то. Политики – согражданами... совсем не туда. Есть еще несколько дубовое «товарищ», но лично меня коробит от такого обращения.

– Можно госпожа, – несколько неуверенно предложила я.

– Но ведь вы мне не госпожа?

– Мадмуазель? Сударыня?

– Хм... тогда мадмуазель-сударыня, я хотел бы очень сильно вас попросить...

– Нет.

– Что «Нет»?

– Все «Нет». Потому что мы говорили о моих требованиях, а не о ваших пожеланиях.

– Но первое требование можно считать выполненным. Так ведь мадмуазель-сударыня?

– Не волнуйтесь, – утешила я, – стоит вам только выполнить мое второе требование, как вы сразу избавитесь от неудобств первого.

– Почему-то описанная перспектива звучит угрожающе.

– Да нет, все очень просто и естественно: вы забываете дорогу ко мне и больше не снитесь, а то я и так себя слегка сумасшедшей считаю, разговаривая с вами как с реальным человеком.

– Но я и есть реальный человек!

– Я человек, которому снится, что он бабочка, или я бабочка, которой снится, что она человек?

– Это что, какая-то шарада?

– Нет. Это философский взгляд на предмет. Вот, к примеру, кто из нас кому снится?

– Но я не сплю!

– Уверен?

Принц несколько растерянно посмотрел по сторонам, но никаких манипуляций типа ущипните меня, проделывать не стал.

– Мадмуазель-сударыня, вы хотите сказать, что вы спите?

– Нет, с вами разговариваю!

– Знаете, с вами не просто найти общий язык.

– Так не ищите. Развейтесь безобидным бредом и дайте мне спокойно поспать.

– А вы можете доказать, что вы сейчас спите?

– Ошалели, что ли?

– Хм это я, как-то не подумав, сказанул, – принц в задумчивости потер подбородок, – однако брать на веру ваши слова мне представляется ошибкой, поскольку прецеденты выдавания за богиню уже случались.

– Обжегшись на молоке, дуешь на воду.

– Отличная мысль, – обрадовался он – поэтому извините, но за богиню вас считать не буду, пока не докажете обратного.

– Я согласна, поскольку еще один паладин мне не нужен.

– Хм, хочешь быть кошкой, будь кошкой во всем.

Я несколько озадачилась. Одно дело, когда во сне беседуешь, с интересной личностью... ну да интересной, не называть же белое черным... А другое дело, когда он выдает высказывания с явно философским привкусом, внезапно придавая Валеркиной теории о реальности принца оттенок правдоподобности. Хотя ее можно и проигнорировать, или попросить объяснений:

– Я не очень поняла вашу кошачью мысль...

– Тогда мы квиты за лошадей.

– Хм... а как насчет моих пожеланий, которые кое-кто собирался выполнить?

– Не выполнить, а выслушать.

– Чтобы потом выполнить, – я внезапно вспомнила, как успешно пряталась от злобного принца под одеялом, – так что прощайте, – и нырнула в спасительную душноватую темноту. Однако тип на табуретке тоже сделал кой-какие выво-

ды.

– Э нет, мадмуазель-сударыня, теперь-то я ученый. Знаю, что вы можете прятать от меня свое лицо. Кстати, пока не появитесь, буду вас снова называть «милой девушкой», а вы сами там додумывайте, какой вас представляют.

«Вот скотина», – хотела высказаться я, но прикусила язычок, вспомнив, что «я ушла». Только видимо прикусила недостаточно быстро, поскольку принц что-то услышал.

– Ага! – воскликнул он, – маленькая хитрость, за которую сразу извиняюсь, удалась! Теперь я точно знаю, что вы, мадмуазель-сударыня, меня слышите.

«Подловил хитрюга», – одобрительно подумала я.

– ... поэтому я продолжу свое приглашение... хотя всю торжественную часть, пожалуй, можно пропустить. Вместо этого отмечу, что вы заинтриговали меня гораздо сильнее других кандидаток. Теперь мы должны обменяться условными фразами, с помощью которых вы сможете сделать запрос в любом представительстве Сердца Мира на предоставление официальных документов, организацию путешествия и накладных расходов. Кстати, если у вас нет возможности лично прийти в представительство, то вам достаточно будет известить их о вашем местонахождении любым способом, и они сами возьмутся за все организационные вопросы. Единственная просьба, если вы воспользуетесь услугами третьих лиц, то, пожалуйста, не сообщайте им условной фразы, поскольку в прошлом случались подлоги. Виновные были на-

казаны, но подобные разбирательства не принесли никому удовольствия. Теперь об условной фразе. Поскольку мы не слышим слов друг друга, то нужно договариваться о смысловых образах. Обычной практикой является включение в картинку цвета и числа... Какие-нибудь идеи-предложения?

Идей-предложений у меня не нашлось, а вот вопросы появились, потому что герои снов не должны быть просвещеннее их хозяйки. И уж тем более не должны договариваться с ней о паролях и явках. Да еще таким мудреным образом. К тому же под одеялом становилось жарковато.

– Я почему-то так и думал, – снова заговорил принц, – поэтому придумал образ для вас. Принц перед картиной, на которой принц... хм... на белом коне. Подчеркиваю два принца, один настоящий другой нарисованный, конь один нарисованный, его цвет белый...

– А цвет принца красный... – мстительно заявила я, вылезая на свежий воздух.

– Интересная деталь... – принц улыбнулся в тридцать два зуба, – но я согласен.

– А почему нельзя просто одарить девушку какой-нибудь числовой комбинацией?

– Потому что, исходя из опыта, далеко не все девушки способны запомнить числовой код достаточно длинный для исключения ошибки.

– Хм, интересно, сколько же балов вы провели, чтоб прийти к таким заключениям?

– Это опыт поколений.

– И все же?

– По-моему, всему свету известно, что это будет мой третий бал, – несколько раздраженно ответил принц.

– Я не все.

– Уж это точно... – почти неслышно буркнул высочество, и тут же громче добавил, – но я надеюсь, что при личной встрече, мы сможем уладить все прошлые разногласия. Надеюсь, вы запомнили кодовую картинку красный принц перед своим портретом на белом коне. Вам всего-то и нужно обратиться в ближайшее представительство Сердца Мира...

– Которое находится где? – встряла я в бравурно-красочную агитку.

Принц с рекламного разгона явно чего-то не ухватил в моем вопросе, и в его глазах отразился весь тормозной путь до полной остановки.

– Что значит «где находится?» – переспросил он, – Наши представительства как минимум есть в каждой столице мира. И прошу не забывать, что бал невест международное событие, поэтому правительства заинтересованы в посылке своих кандидатов, поэтому все административные единицы... – тут принц резко прервал свое пространное поучение. В лице появилась небольшая искринка смешливости.

– Понятненько, – в его интонации прозвучало легкое ехидство, – мадмуазель-сударыня, решив отыгаться, пытается сбить меня с толку...

– Мадмуазель, если честно, пытается поспать, – возразила я, начав потихоньку уставать от разговора, – Так что идите куда подальше со своими подколками и оставьте меня в покое.

– Ах, как я мог забыть, что вы спите, – игриво продолжил высочество, думая, что разгадал меня, – правда, какая жалость, теоретические исследования и практические опыты доказали, что во время полноценного ментального контакта спать невозможно...

– Мой опыт отвергает ваши опыты.

– То есть вопрос в том, чьим опытам верить?

– Нет, вопрос в том, чтоб выгнать надоевшего хуже горькой редьки принца!

– Не стоит сердиться.

– А какие альтернативы? Горько поплакать, в попытке вас разжалобить? Или может откинуть одеяло и продемонстрировать себя во всей красе... – по телу неожиданно толпами побежали приятные мурашки, с огромными транспарантами «Да! Сделай это! Ты же хотела же это сделать!». Быстро докатившись до мозга, они устроили акт вандализма, изуродовав мыслительный процесс. Я элементарно забыла, что хотела сказать. А следом уже несся откат испуга, мол, замолчать нельзя – будет только хуже. Он скомкал остатки мыслей, заставив ляпнуть первое попавшееся:

–... в надежде, что у моего сна проснется совесть, и он развееется.

Слегка придушив внутренний разброд, я постаралась осознать только что мной сказанное. Кой-какая алогичность присутствовала, но в целом результат оказался не такой ужасный. В конце концов, мне, как девушке, легкая сумбурность мышления должна придавать некий шарм... Если, конечно, верить бабушке. Впрочем, дед с ней практически солидарен, говоря, что главное не скатиться от «прелесть какие глупенькие» к «ужас какие дуры». А еще, пожалуй, стоит признать, что кое до чего я докатилась. Это, конечно, не ужас и не кошмар, но... несколько озадачивает, когда ловишь себя на странных желаниях. Впрочем, тяги пойти в модели для мужских журнальчиков во мне не проснулось, но вот удовольствие от позирования ощутить смогла. «Даже не от позирования, – поправила я себя, глядя во вспыхнувшие глаза принца, – а от того, что кто-то испытывает интерес к моему позированию».

Впрочем, высочество демонстрировал не интерес, а удовлетворение от того, что такая мысль забрела в мою голову. Он, выглядел как кот, объевшийся сметаной. Или даже как кот, способный своей улыбочкой уговорить сметану испытать счастье от размещения себя самой в немереных количествах в животе этого обжоры. И, честно говоря, глядя на него хотелось стать сметаной... Вот только, что делать, если тебя съедят?

А этот, расслаблено развалился на кресле... то есть на табуретке, но так себя держал, словно под ним мягкое, удобное

кресло... и красуюсь напоказ, промурлыкал:

– Безусловно, предпочтительнее последнее, хотя, конечно, гарантировать ожидаемый результат невозможно.

«Но что делать, если тебя съедят? – повторила я для себя, – что потом?»

– Извините, не расслышал, – с довольно приятной улыбкой напомнил о себе принц, но мои мысли уже скользили в другом направлении. Желанию выставить себя напоказ под восхищенные взоры вышло спокойное «А дальше что?». Демонстрация мурашек, разбившись об утес спокойного вопроса, откатывала назад неудовлетворенной растерянностью, но не бунтовала. Не о чем было бунтовать, поскольку я поняла и приняла свою новую особенность, поставив ее в ряд с любовью к мороженому, красивым платьям, теплой погоде: приятно, но не более. Ведь глупо подчинять жизнь желанию обжираться любимой едой? А с желанием покрасоваться тоже не умнее получится... Или даже хуже, поскольку один случайный шрам или возрастная морщинка могут поставить жирный крест на всей жизни. И останется только сидеть и смотреть на глянцевые картинки прошлого. Ну а если повезет, и красота не увянет, то может случиться еще худший удар – к тебе привыкнут, красота приестся и... Даже не знаю, чего «и». Значит, на нее надежды никакой... Хотя не стоит так говорить, это хорошая отправная точка. Как фамилия знаменитого предка, дающая более удобное место для первого шага. Но вот дальше... Дальше

нужно что-то более основательное и свое, за которое ответственен ты сам. Кстати, об ответственности...

Я постаралась отзеркалить «кошачью» улыбочку:

– А ты уверен, что хочешь? Ответственности не боишься? А то еще потребую, чтоб ты, как честный человек, женился на мне.

Высочество стал, если так можно сказать, еще котастее. Даже глазки сожмурил от удовольствия:

– Так я ж к тому и веду. Вот даже на бал невест приглашаю. Получается, что мадмуазель-сударыня, шаг за вами... А если вы спящая богиня, то я, безусловно, паду к вашим ногам. Вы ведь без сомнения примите поражающий воображение образ, который заставит меня без всяких сожалений назвать вас своей супругой.

Повеяло великосветским флиртом. Не то, чтоб я считала себя знатоком подобных игрищ, но к появившемуся в речи принца неприятному оттенку это словосочетание подошло тютелька в тютельку. Сразу захотелось осадить распоясавшееся высочество и дать почувствовать... Не знаю, что дать почувствовать, но чтоб с него слетело все наносное... И, по моему, мне дали подсказку как это сделать. Ведь если сон мой, то я могу в нем быть какой захочу.

Посмотрев, на свою руку, я представила ее покрытой чешуей. Получилось! Я перекрасила ее в густой черный цвет... Все слилось. Тогда мне вспомнился ужик, которым летом мальчишки в лагере пугали девчонок. Рука стала не такой

черной, но более пугающей. Заглянув под одеяло, я убедилась, что вся покрыта змеиной кожей... Осталось лицо... Только его надо будет сменить внезапно, а сначала продумать... Поэкзотичнее. На выручку пришёл мультик про медузу Горгону, только добавить еще себе клыков в духе Голливуда, ярко-красную пасть... В душе шевельнулась жалость к жертве, и я решила дать ему последний шанс:

– Знаешь, как говорится, бойся своих желаний, они могут сбыться. Поймаю тебя на слове, локти кусать будешь, а назад не повернешь.

– Хм, риск желаний всегда можно оценивать трезво, – ухмыльнулся принц, – максимум, что мне грозит, это жениться на «милой девушке». Но, во-первых, заранее я никогда обещаний не раздаю. А во-вторых, даже от хорошей супруги можно устать, а от плохой – его глаза хитро заблестели, – буду уставать почаще.

Такое прощать было нельзя. Змеиная кожа словно вспыхнула на теле, шипящая маска Горгоны закрыла лицо и, резко откинув одеяло в сторону, я, оскалившись, с рычанием бросилась к нахалу.

Эффект был сногшибательный. Вернее, стабуреткосшибательный, поскольку принц с выражением дикого ужаса на лице попытался отпрыгнуть назад, но, естественно, не смог и повалился на спину. Послышались какие-то голоса. Вроде как спрашивали, что случилось, но, заглушая всех, высочество заорал, чтоб выключали. Воздух словно чуток сгустился.

ся, но при этом вокруг героя моего сна начала растворяться окружающая темнота. Стала различима мозаика пола, на котором он лежал. В пятно видимости протянулись чьи-то руки. Оформились фигуры. И вот уже около поднимающегося принца суетятся четверо крепких парней в одинаковой униформе. Я оглядываюсь, и вижу, что нахожусь внутри расширяющейся растворяющей мрак сферы. Кто-то за пределами видимости звал врача, кто-то докладывал, о каком-то выключении, а кто-то просто орал что-то непонятное... А всего мгновение спустя уже можно различить их силуэты. Они постепенно проявлялись, обретая цвет и характерные черты. И вдруг очень четко прозвучал голос принца:

– ... дай хлебнуть из твоей фляжки, а то как вспомню милую девушку...

– Опять! – невольно возмутилась я.

Моментально в комнате все стихло, только выпавшая из рук высочества фляжка, глухо ударившись об пол, забулькала, щедро разливая содержимое. Первым отмер принц, негромко спросив:

– Мадмуазель-сударыня, это вы?

– А вы ждали кого-то другого? – не удержалась я от подначки, – сами же хотели увидеть образ поэффектнее. Мечтали упасть к моим ногам. Даже замуж грозились взять, если произведу на вас сильное впечатление. Считаете слабовато получилось? Надо посильней?

Крепыши в униформе пришли в движение, быстро отго-

родив принца от мира своим кольцом. Однако их подопечный нашел в себе мужество выйти из-за спин. Хотя рука, которой он отстранил ближайшего телохранителя, заметно дрожала. Тем не менее, голос был тверд, хоть и тих:

– Мадмуазель-сударыня, вы богиня?

– Есть кое-кто, кто так считает, – ответила я, вспомнив Валерку, – но это вопрос теоретическо-теологический, уводящий в сторону разговор от наших дел.

– Где вы?

– Там же где и вы, в своем сне.

Кто-то где-то ахнул, кто-то выругался, пара телохранителей недоуменно переглянулись. Принц же, сделав глубокий вдох, казалось, сумел окончательно взять себя в руки.

– Не могли бы вы показаться, – довольно решительно потребовал он, – поскольку в вопросах брака нужны свидетели, да и мне, признаться, хотелось бы видеть глаза невесты.

Желание заглянуть в глаза медузы Горгоны меня так развеселило, что моему ответу пришлось с боями пробиваться сквозь невольные смешки:

– Мы же уже говорили с вами о сбывшихся желаниях. Неужели еще не научились опасаться их осуществления?

– Нет, любое осуществление желаний, дает возможность идти к чему-то новому, и получение ошибочных или неожиданных результатов является естественной частью этого пути, – высочество говорил красиво, но абсолютно искренне, – боязнь же непредвиденного заводит в тупик беспочвенных

страхов, сводящих движение вперед, как минимум, к топтанию на месте.

– Неплохо, – искренне восхитилась я, – да и требование о свидетелях выглядит здоровым...

Змеиный костюмчик был по-прежнему на мне, маска тоже, а значит, ничто не мешало моему появлению в картинке. Миг стремительного приближения, и пронзив сумрак, я выпрыгнула в ярко освещенный зал, замерев прямо напротив принца. Только смотреть пришлось снизу вверх, поскольку высочество (я усмехнулась каламбурчику) оказалось высоким. А еще его глаза оказались насыщенного голубого цвета... даже скорей уже синего, чем голубого. И запах от него шел приятный...

Вот только с запахами возникла непонятная сложность. Они доносились со всех сторон в ненормальном, просто в бешеном количестве и казались очень странными, да еще усиленными. Я чувствовала запах различных бумаг, лежащих недалеко на столе, запах самого стола, пишущей ручки и отдельно чернил в ней, машинный запах механизмов и дерева табуретки, валяющейся между мной и принцем. И, конечно, запахи людей... и, самое странное, их эмоций. Никогда бы не поверила, что неверие, любопытство и удивление могут так ярко различаться в запаховом диапазоне. Или то, что испуг, опасение и безотчетный страх не являются оттенками одного, а воспринимаются как неродственные материалы. А вокруг еще были решительность, радость от причастности

к необычному, настороженность, готовность к бою, надежда на молитву. И все это, переплетаясь с запахами человеческой природы хозяев, устремлялось мне в голову, где смешивалось с обычными, хоть и усиленными, ароматами. Мое сознание на миг помутилось от такого информационного потока. Стало казаться, что у меня глаза и носы по всей поверхности головы. И каждый из внезапно обретенных органов чувств буквально выдирает кусок моего сознания, пытаюсь привлечь внимание к разным элементам мозаики происходящего вокруг. Еще миг и мозг бы пошел в разнос, если бы не яркие голубые глаза. Они как маяк помогли выделить основное направление. Еще пара мгновений и я сумела свети к минимуму другие информационные каналы, став почти самой собой. Однако, с другой стороны, во мне стала накапливаться усталость, и стоило побыстрее завершать такой энергозатратный сон. Но завершать его нужно было по моим правилам!

Я постаралась поярче сверкнуть клыками в улыбке:

– Что ж вот и исполнилось еще одно твое желание. Не разочарован?

– Нисколько.

– Хм... – он пах правдой, что озадачивало. Тут пара крепышей в униформе, видимо вспомнив о своих обязанностях, попыталась влезть между мной и принцем.

– Спокойно, мальчишки! – остановила я их, – не привлекайте к себе не нужного внимания! – и еще пошипела для

острастки змеями с маски.

– Находясь здесь по собственной воле, – неожиданно заговорил высочество, – и перед лицом свидетелей...

– Секундочку, – прервала я его, – а как насчет моих свидетелей?

– Э-э... – прозвучал «высокомудрый» ответ.

Оглянувшись по сторонам, я увидела довольно широкий стол, прищурилась, и через мгновение на нем в позе лотоса восседал Валерка. Из одежды, если судить по неширокой полоске под пупком, на нем присутствовали только трусы. В остальном же он сверкал своей натуральной белизной, и выглядел алебастровой статуэткой на фоне одетых личностей, находящихся рядом с ним. Хотя, пожалуй, стоит признать, что несколько человек стремительно доходили до яркой бледности чистого снега. Впрочем, они меня не волновали. Валерку видимо тоже, поскольку, окинув окружающих равнодушным взглядом, он никак не прореагировал на их состояние, а довольно флегматичным тоном поинтересовался:

– Ленка, зачем звала?

– ЛенхаА? – удивленно переспросил кто-то из близстоящих, и тут же получил хлёсткий удар по носу от Валерки.

– Для тебя Богиня Ленка, – нравоучительно произнес мой паладин, и вновь обратился ко мне, – Червоточинка, чем могу быть полезен?

– Свидетелем будешь?

– Конечно. А чего?

– Сейчас узнаем, – я повернулась к принцу, – ну?

Высочество, оторвав свой взгляд от Валерки, посмотрел прямо в мои глаза.

– Находясь здесь по собственной воле... – опять начал он.

– Нет, не так, – снова прервала я, – надо быть проще и люди к тебе потянутся. Поэтому давай простыми фразами.

Ты чего хочешь?

– Жениться на тебе!

Валерка издал непонятный звук, я цыкнула на него, и вновь вернулась к принцу.

– Это не совсем то, о чем мы изначально говорили.

– Я ответил о конечной цели.

– Врешь ведь, я же чувствую.

– Скажу по-другому, я чувствую себя обязанным...

– Обязанным жениться на чудовище?

– Обязанным исполнить свое слово!

– Которое ты еще не дал.

– Которое именно сейчас и даю, поскольку во исполнение пророчеств, с душой открытой Всепрощающему, беря в свидетели всех присутствующих, объявляю официально вас, Богиня Ленка Червоточинка, своей единственной невестой-избранницей.

– И пока смерть не разлучит вас, – снова подал голос Валерка, – эх, цветы бы сюда для невесты, так ведь ни один не догадался...

Я даже не взглянула в сторону своего паладина, а, не отрываясь, смотрела в глаза того, кто так решительно захотел связать свою жизнь со мной. Пусть даже и во сне. Вот только кое-чего не хватало:

– А ты в своей клятве ничего не забыл?

– Ничего.

– Дурак, – громко зашептал Валерка, – ты забыл спросить ее согласия!

– Я клялся, что никто другой не станет моей избранницей, даже если Мадмуазель сударыня Богиня Ленка Червоточинка не пожелает стать моей женой, – ответил высочество, не отрывая от меня взгляда.

– Хм, не буду лукавить, ты смог меня заинтересовать, – отвернувшись, я отошла к столу, на котором восседал мой свидетель, – но мне кое-чего не хватает.

– Может этого? – Валерка протянул наспех сделанный бумажный тюльпанчик, – считай, что это букет, подаренный этим голубоглазым недотепой.

– Спасибо, – принимая подарок, поблагодарила я, – может быть, этого не хватало.

– Ну, тогда там-там тада-да-да-дам там, – запел свадебный марш мой рыцарь, и заключил, – а потом, конечно, «Горько!»

И подмигнул.

– Горько? – удивленно переспросила я.

– Горь-ко! Горь-ко! – заскандировал одноклассник, лучась весельем.

«А что, – подхватила его крик, бешеная мыслишка, – будет забавно». Я медленно повернулась к жениху, слегка вздыбила притихших змей, и, не забыв обнажить собственные клыки, бросилась к нему. Пара телохранителей дернулась прикрыть собой высочество. Но одного удержал он сам, а другому я дала подножку, после чего, вскочив на опрокинутый табурет, схватила принца за уши, и, повернув его голову как руль... хотела бы сказать «впилась в его губы поцелуем», но... это же, по сути, был мой первый раз, поэтому просто плотно прижалась к его губам. В принципе было приятно. Хотя жуткое удивление в голубых глазах было гораздо приятнее. Именно оно подтолкнуло меня применить теоретические знания о французском поцелуе на практике. Просовывая свой язычок между его губами, я ожидала увидеть вконец ошарашенное высочество и оказалась совершенно не готова к буйственно-красочному фейерверку, выстрелившему у меня во рту, или в мозгу... а может в душе. Табуретка подо мной закачалась, но сильные руки уже обхватили мое тело, избавив от страха разорвать контакт. Зато тепло мужских ладоней, ускорила и без того бешеную вакханалию гормонов в моем теле. Где-то не то тревожно, не то восторженно звенел колокольчик, напоминая, что змеиная кожа, лишь расцветка, и что никакая одежда меня не прикрывает... не мешает, и... Воздух кончился. Срочно понадобилось оторваться от губ принца за глотком кислорода. Видимое движение нарушило какой-то хрупкий баланс: высоче-

ство рухнул на спину, и, поскольку своих рук он не расцепил, то я обрушилась вместе с ним. Грохот был потрясающий. А, судя по сдержанным стонам моей подстилки, еще и болезненный. Да еще я ухитрилась разбить своим лбом ему нос. К нам потянулись руки... Возможно, это были руки помощи, но их прикосновения мне не понравились, и я взорвалась теми немногими знаниями-умениями, полученными стараниями седоусого израильянина. Видимо сработал эффект неожиданности, потому что враги валились под ноги как кегли. К тому же, как ни странно, мне помогали змеи моей маски. И в момент, когда высочество проорал, чтоб все оставили меня в покое, практически все враги имели следы змеиных укусов... А на ногах держалось всего полтора человека, одним из которых был сам принц.

– Значит, все кончилось? – спросил по-прежнему сидящий в позе лотоса Валерка.

– Да, – проговорила я, отходя к столу.

– Жаль, – констатировал он и, тяжело вздохнув, уточнил, – значит, я обратно спать?

– Да, конечно, иди, – отпустила я его. Паладин послушно растаял в воздухе.

Мне стоило уйти следом за ним, поскольку в теле уже вызрела огромная усталость. Однако я медлила, пытаюсь отыскать слова на прощание. Умные мысли, роившиеся в голове в начале приключения, подрастерялись. Мой взгляд заскользил по залу, оглядывая застывших в разных позах людей, в

поисках подсказки. Вот только их эмоции оказались слишком далеки от меня, чтоб подчерпнуть в них что-то дельное. Разве что жених... Я посмотрела в его глаза... В нем царил такой сумбур, что ни о какой вменяемой мысли речь в принципе не могла идти. А значит, мне пора возвращаться в свою реальность.

– Пожалуй, мне тоже нужно идти, – довольно резко произнесла я, решив больше не оттягивать прощание.

– А я? – подал голос принц,

– А тебе не нужно, – грустно улыбнулась я ему, представив, как внезапно заявлюсь к бабушке и деду с таким подарком, – тебе просто нет места в моей жизни.

– Но я же сказал...

– Вот! – прервала я его, с внезапной четкостью ощутив, чего, собственно, не хватало в предложении жениха, – ... Вот в этом все дело! «Я же сказал», «Я же решил», а где «мы»? Где «ты»? Где интерес в другом человеке? Что, ваше высочество, привыкли свысока на всех поглядывать? А тут я такая... И тоже крутая... и даже чуть покруче... Ну и что в итоге?

Принц закусил губу и промолчал. А во мне расцветала злобная обида, превращаясь в горькие слова:

– Заставили тебя бедняжку одарить меня самой высшей из твоих наград. Твоим словом... А оно мне не нужно. Пшик, и сдулся пафос величества. Теперь как жить будешь? То ли слово нарушать, то ли целибатом жизнь испортить. А глав-

ное, что не выберешь, все равно в проигрыше...

От принца внезапно пошел такой поток отчаянья, что мне чуть дурно не стало. Зато я поняла, что жестокости во мне гораздо меньше, чем обиды:

– Ладно, пожалею тебя, – глаза принца вспыхнули радостью, – поскольку есть надежда, что мой урок пойдет тебе впрок. Освобождаю принца от данного им слова, и вы, – я обвела присутствующих строгим взглядом, – свидетели, что с этого момента у принца по-прежнему нет избранницы.

От высочества резко запахло разочарованием.

– Но я... – начал он.

– Замолчь-ши! – я грозно зашипела всеми своими змеями, – и не серди меня! И не ищи меня больше! Помни о сбывшихся желаниях!

До меня донесся топот бегущих людей. Повернувшись в направлении звука, я увидела резко раздвинувшиеся в стороны двери, давшие дорогу группе людей, решительно движущихся в зал, но тут же мгновенно замерших при виде меня. Их столбняк приятным ароматом прошелся по душе Горгоны, подвигнув моих змей на радостный танец. В какое-то мгновение передний ряд вновь прибывших расступился, выпустив вперед седоволосого мужчину с мощным ароматом власти. Слегка прищуренные глаза обежали помещение и остановились на мне.

– Могу я узнать, кто вы, и что здесь происходит? – спросил он твердым, но одновременно вежливым тоном.

– Можете, – мои губы растянулись в клыкастой улыбке, – мне, Богине Ленке Червоточинке, здесь делали предложение, которое меня не заинтересовало. А теперь я ухожу!

Оттолкнувшись от окружающей реальности, я устремилась к далекой точке, чтоб проснуться у себя дома в кровати.

Глава IV

То, что я очнулась в больнице, меня ничуть не удивило, поскольку, находясь в полусознательном состоянии, все же каким-то образом отслеживала перемещение своего тела. Но вот существо неопределенного пола, увлеченно читающее журнальчик, сидя у моей кровати, вызывало, если не удивление, так недоумение точно. Тем временем неизвестная личность, видимо дочитав страницу до конца, переворачивая лист, бросила беглый взгляд в мою сторону и обнаружила, что я уже как бы в сознании.

– Привет, – заговорила непонятная сиделка, откладывая журнал в сторону, и представилась, – я Вик...

Голос с хрипотцой, но вроде как женский, однако представилась по-мужски...

– ...подруга твоей матери.

У мамы вроде как сейчас только одна подруга, которая вроде и не совсем подруга.

– Муж? – уточнила я, одновременно поражаясь слабости своего голоса.

– Надеюсь, – подтвердил он, с уже ярко выраженной мужской лаконичностью, однако снизошел до пояснения – отделение женское. Я по внешним признакам подхожу на роль сиделки.

– А..

– А твоя мама только что устроилась на новую работу, поэтому взять отпуск не сможет. Приедет в пятницу, к тебе придет в субботу.

– А...

– Сегодня среда. В больницу ты поступила в пятницу, не прошлую, а неделю назад, в полном физическом и, наверное, нервном истощении. Кроме того, ты где-то подхватила какую-то инфекцию, что в твоём состоянии могло довести до фатальных последствий. Черные дни позади. Сейчас нужно только питание, – он покосился на стоявшую рядом капельницу, – не внутривенное.

– А...

– Бабушка придет, – взгляд на запястье, «украшенное» мощными мужскими часами, – где-то часа через два. Твой кавалер часа через четыре в вечерние часы посещения. Батя... хм, то есть твой дед, тоже появится где-то в это время и, как ты, возможно, понимаешь, мне нужно будет исчезнуть до этого, чтоб, так сказать, не вызывать лишних эмоций. Про твоего отца ничего не знаю.

– А...

– Без дополнительного разрешения от врачей позволено давать только воду. Хочешь?

Я кивнула... или моргнула. Главное, что Вик понял правильно. Он вообще все понял правильно и сумел произвести весьма приятное впечатление. А когда он, приподняв меня за голову, помог напиться, то сомнения в его мужской сути раз-

веялись окончательно, потому что запах у него был не женский, и... его грубоватая ладонь внезапно напомнила другие мужские руки, крепко обнимавшие меня совсем недавно... пусть даже и во сне.

***

Выздоровление протекло спокойно и размеренно. Как и говорил Вик, нужно было только питание, поэтому вечер пятницы я встречала уже дома. Приехавшая мать внесла шум, суету и доставучие расспросы-выяснения, как можно исхудать до освенцимовских стандартов всего за одну ночь. При этом она постоянно косилась на бабушку, потихоньку намекая, что сумеет защитить и позаботиться обо мне. Даже предлагала уехать с ней. В конце концов, Вик, к моему большому облегчению, утащил ее к деду... Дед тут же прибежал к нам...

Он с наслаждением следил, как его солнышко пьет бульон и поправляется, стараясь не думать о «беспутной» дочери и уж тем более о «зяте». Для этого наступило время попозже, когда дед задержался почаевничать с бабушкой. Естественно, о маме с ее почти мужем говорилось много и до, и после моего возвращения домой, однако вечер той пятницы стал несколько особенным, так как отступившая тень моего нездоровья дала возможность спокойно взглянуть на нестандартную парочку, которая находилась не где-то в другом городе, а здесь, за стенкой.

Будучи уже в курсе бабушкиного принятия мужественно-

сти Вика, я интересовалась грядущей беседой в плане обучения риторики. Однако полноценного урока не вышло, поскольку после просьбы порезать хлеб, дед практически потерял все свои нападки. Вик оказался настолько рукастым малым, что за проведенную у бабушки неделю по собственному почину переделал всю копившуюся годами мелкую работу по хозяйству, начиная с подтекающего крана и кончая заточкой ножей. Ну а чтоб окончательно загнать последние гвозди в гроб дедовых сомнений, бабушка спросила, знает ли он еще хоть одного человека, который смог бы с такой же легкостью управиться с его дочерью как Вик? Таких не нашлось. В конечном итоге все свелось к общему знаменателю: желаешь счастья ребенку – уважай его право выбирать. Впрочем, окончательное слово в «споре» осталось за Виком: когда они уезжали к себе в воскресенье вечером, он, видимо устав от маминых долгих прощаний, неожиданно сказал: «Ладно, батя, мы поехали. Увидимся», – и утащил будущую супругу за собой.

Ошалелый дед потом наверно неделю повторял: «Батя... Ну, надо же!»

Однако гораздо более важным для меня оказался воскресный визит Валерки. Раньше мы тоже виделись: он и в больницу заходил, и накануне в субботу, когда у меня сидел отец, но так, чтоб никто не мешал, случилось впервые.

Честно говоря, поначалу, заметив, как паладин входит в комнату, я совершенно не придала этому никакого значения.

Пришел и пришел. Бросила «Привет», да вернулась к дописыванию сочинения. Валерка же, не ответив, сначала аккуратно прикрыл за собой дверь, а потом:

– Приветствую вас, мадмуазель-сударыня богиня Ленка Червоточинка!

Меня словно токомшибануло. Ручка выпала из пальцев, сама я тоже выпала... если б не кресло, то на пол в прямом смысле, а получилось в осадок в переносном.

– Ага, – видя мою реакцию, удовлетворенно заметил мой паладин, – я так и думал, что если неожиданно «напугать», то растерявшись, ты точно ничего не будешь отрицать.

Пройдя в комнату, друг уселся на кровать рядом с моим креслом:

– А теперь давай, пожалуйста, объясняй, чему именно я был свидетелем.

– Откуда...? – затравлено начала я и не смогла договорить.

– Что действительно не догадываешься? – усмехнулся Валерка, – кстати, в следующий раз, предоставляй мне, пожалуйста, самому выбирать, как и где сидеть. А то ноги были словно склеенные, только и мог руками махать.

– Никакого следующего раза не будет, – довольно твердо произнесла я.

– Ну, помня, как вы целовались, я бы на это не ставил. И вообще, если я хоть что-то понимаю в мужских взглядах... – по моим щекам потекли слезы – Ленка, ты чего?

Спустя мгновение я уже рыдала в его объятиях, и рыдала все сильнее и сильнее, остро осознавая, что это совершенно не те руки, о которых я мечтала. Точнее, мечту о которых я так тщательно гнала прочь. Гнала постоянно, каждую минуту. Прямо с того мгновения, как Вик помог мне напиться.

Секс революция в отдельно взятом теле свершилась.

Одни руины.

Может в этом состоял подростковый максимализм, но во мне словно перегорело что-то. Причем перегорело, не успев толком не то что развиться, а просто появиться на свет. Конечно, потом, с годами чувство притупилось, но восстановиться толком, я не смогла. Правда, осознание такой глобальности, ко мне пришло тоже со временем, а пока я просто обильно смачивала рубашку своего «свидетеля» непрекращающимися слезами, рассказывая, как и что происходило. Валерка, не перебивая, внимал моим всхлипываниям, и только когда я уже не могла выпихнуть из себя ни слова, спросил:

– А ты как, хотела в пятнадцать выскочить замуж за мажорного мальчика?

– Ты не понимаешь...

– Возможно, я действительно что-то не понимаю, – перебил он, – Но ведь дело-то не во мне. Поэтому вопрос надо ставить по-другому, а что ты понимаешь? Тебя, к примеру, куда приглашали? На бал невест. Если ты помнишь, это такие девушки, которые хотят стать женами. Вот и получается,

что пятнадцатилетняя девчонка, встречает ищущего ЖЕНУ принца. Заметь, не девчонку, чтоб сходить в кино, подержаться за руки, и может даже (Вау!) поцеловаться! Он ищет жену. Что ты могла ему предложить?

– Ты говоришь не о том... – я оторвала заплаканное лицо от его рубашки.

– А о чем мне говорить? О том, что с удовольствием понянчу твоего ребенка?

– Да ну тебя! – я села на кровати прямее, выбравшись из дружеских объятий.

– Нет, серьезно, – он взял мою руку и слегка сжал пальцы, мешая замкнуться в себе, – о чем мне говорить?

– Не знаю... – я свободной рукой вытерла распухший нос, – но... Ты ведь сам сначала говорил про следующий раз...

– И теперь скажу! Только, Ленка, пойми, он смотрел на тебя как на женщину, которую он хочет затащить не просто в постель, а под венец. Причем побудительные порывы первого были весьма очевидны: фигурка у тебя что надо, лицо выглядело экзотичненько, но красиво. Даже змеи смотрелись гармоничненько, придавая вместе с твоими клыками хищную привлекательность. Это я тебе все как владелец Y-хромосомы говорю, – друг слегка толкнул меня плечом, – так что можешь верить и не краснеть. Поэтому повторюсь: подвергать сомнению секс-мысли здорового половозрелого мужика при взгляде на тебя не стоит. А вот какого лешего, ему

сразу жениться приспичило, сказать трудно. Я б даже сказал невозможно. Сама понимаешь, чужая душа потемки. Мог, конечно, влюбиться с первого взгляда... И нечего так счастливо замирать, как влюбилось, так и разлюбилось. Ты лучше подумай о том, что он мог мгновенно просчитать общественно политический момент, чтоб упрочить свою власть. Или решил заарканить тебя, как диковинку...

Мое сердце словно в жидкий азот уронили. Я почувствовала, как кровь отхлынула от щек.

– Ты же вообще ничего о нем не знаешь! – продолжал пападин нагнетать зловещность, – может мужик просто захочет тебя на опыты пустить или сжечь как демоницу. Но на самом деле... – в Валеркином голосе послышались нотки беззаботности, – тебе должно быть наплевать на его желания. По крайней мере, до тех пор, пока сама не поймешь, к чему бы хотела все привести в конечном итоге.

Окончательно запутавшись в своих эмоциях и желаниях, я привалилась к плечу друга:

– Вале-ерк, а тебе не, кажется, глупым развивать такие суждения по поводу сна? Может у меня гормоны бурлят, вот и плющит мозги по ночам.

– Может и плющит, да только... я б не стал относиться к тому, что происходило как к необычному сну, – он вздохнул, – как это ни по-идиотски звучит, но, по-моему, мы путешествовали в параллельный мир. И не надо оглядывать меня диким взглядом. На том листочке, из которого я тебе цвето-

чек смастерил, были строчки буковок, которые я не нашел ни в одном алфавите. Я и в интернете ползил и, пока ты в больнице лежала, сходил в центральную библиотеку. Между прочим, на столе, куда ты меня любезно усадила, стоял прибор... теперь я думаю, что это местные часы. Только стрелок там было четыре, делений явно не двенадцать и подписаны закорючками, не напоминающими ни римские, ни арабские цифры.

Я покрутила его слова итак и сяк, но все же нашла слабое место:

– Не получается, Валерк, мы же их речь без проблем понимали.

– Я тоже думал об этом... Но тебе не понравится мой вывод.

Оттерев остатки слез, я пересела обратно в кресло:

– Ладно, чего уж там, говори.

– Ты богиня. Не корчи рожи, просто прими как данность, что у тебя есть особые способности. Может не особые, может они у всех есть, да только мы ими пользоваться не умеем, а ты умеешь... правда, только во сне.

– И что это за способности?

– А с каким диагнозом ты загремела в больницу?

– Истощение...

– Внезапное. За одну ночь. Куда ушел подкожный жирок и другие составляющие?

– Контакт?

– А какие еще объяснения ты видишь? Ты мысленно наладила контакт с другим миром. И никого не удивила твоя способность услышать человека на совершенно непредставляемом расстоянии. Видимо там мысленный контакт вполне обычное дело. Ну, конечно, может случиться, что это способность избранных, но она не фантастическая. При таком общении разговор идет образами, а значит, перевод не нужен. Вот только никто там не ожидал, что ты можешь послать свой... скажем, мыслеобраз, вдоль этой связи в реальный мир.

– Расплатившись за билет своим жирком?

– За два билета. Я ведь тоже там был.

– А поскольку это был, как ты сказал мыслеобраз, то я продолжала слышать их мысли, а не речь.

– Видишь, – Валерка улыбнулся, – думать оно не трудно, стоит только захотеть.

– Бред.

– Кто спорит... Мадмуазель-сударыня Богиня Ленка Червоточинка

– Да ну тебя, – схватив не глядя со стола первую попавшуюся книжку, я легонько кинула ее в своего гостя, шутливо показав, что как бы прибиваю его этим кирпичом. Мой «обидчик» неловко дернувшись, не сумел подхватить летевший в него снаряд, и тот, упав ему на колени, раскрылся на самой читаемой странице. Перед удивленным Валериком оказался портретик принца, и я запоздало опознала в бро-

шенной книжке так не вовремя подвернувшийся дневник.

– Опаньки... – произнес одноклассник, беря в свои руки тетрадку. Я закусила губу, боясь услышать какие-либо комментарии, но он, посмотрев мне в глаза, только спросил, очень мягко и сочувственно:

– Так сильно зацепило, да?

В ответ я лишь кивнула.

– Мда-а, – протянул он, передавая мне дневник, – попробуй все же разобраться, что ты хочешь.

Больше в тот день о нашем свидении мы не говорили.

Позже да, и немало. Даже шутили о нем. А уж над рассказом свидетеля о том, как весьма бледнолицый жених в белом, просил руки у темноликой невесты в черном, я буквально рыдала от смеха. И все же большей частью наши разговоры оставались серьезными. Валерка постоянно поддакивал моему разумному, доказывая, как правильно я себя вела, слегка проучив гордеца принца. Рассуждал о том, что хэппи-энд в Ромео и Джульетте, гарантировал бы обычную для тех времен трагедию Джульетте. Приводил статистику разводов и разбежек после любви с первого взгляда. Я все внимательно слушала и соглашалась. И даже фото не смотрела, и не «разговаривала» с принцем... но тетрадка-дневник всегда была при мне.

Глава V

Жизнь покатилась дальше и как бы вошла в обычную колею. Школа, домашние заботы, тренировки. Я окончательно оправилась от своего путешествия... полностью и бесповоротно избавившись от проблемы прыщей. Бабуля сказала, что дело того стоило, и я стала красива и телом и лицом. Последнему я поверила, после того, как наша самая главная школьная красавица, как бы невзначай поинтересовалась, кремами какой фирмы я пользуюсь...

Мой седоусый тренер, глядя на меня цокал языком, что-то бубнил на своем еврейском, из которого различалось только «тохос» и «цорос»², после чего усиливал тренировки.

Эффект его цоканий случился на летних каникулах, когда я поехала помощницей воспитателя с детсадом на дачу. Кстати, самой воспитательнице было двадцать с небольшим. И срок беременности у нее тоже был небольшим. То есть утро встречалось заунывными песнями над унитазом, отчего побудка-зарядка-умывка в нашей группе становилось моей святой обязанностью. Потом шел завтрак молочными кашами, от запаха которых будущая мамаша просто зеленела,

---

² "тохос" и "цорос" – [попа/задница и несчастья/неприятности] Господа, говорящие на идиш, если вы не согласны с приведенной транскрипцией, то вспомните, что у разных людей разное произношение, к тому же слова воспроизведены главной героиней, которая по-еврейски ну совсем ничего не знает.

поэтому вела беседы о пользе плотного завтрака на почти-тельном расстоянии от детей. Хорошо, что пятилетки народ довольно самостоятельный, так что Елене Альбертовне почти не приходилось никого докармливать. Прогулки я отрабатывала в роли овчарки, удерживающей стадо малолеток на полянке, чем приводила в бешеный восторг трицу друзей обожавших пропадать из вида.

Естественно, на даче мы жили не в гордом одиночестве, поэтому в послеобеденный тихий час другие воспитательницы с помощницами по очереди подменяли меня, давая двух-часовую свободу. И вот однажды, мать природа вынудила потратить один из таких перерывов на поход в поселковый магазинчик за кой-какими гигиеническими мелочами. Пара встреченных парней, почему-то решили, что они и есть те самые мелочи, за которыми я спешила. Мой сарказм вязнул в их невежестве, просьбы-уговоры, воспаляли их боевой дух, а откровенные пожелания на понятном им языке заставляли радостно лыбиться. Момент просветления, что их чаяния останутся безответными у молодых бычков наступил только тогда, когда желанная телочка почти зашла в корпус дачи. Это было воспринято как оскорбление, и один из придурков за шкуру вытащил меня из двери обратно.

Они отделались малой кровью. То есть одним сломанным носом и одним вывихнутым большим пальцем. Однако вечером ко мне пришел выяснять отношения их слегка подда-тый папаша. Получив по зубам, он ушел в более просветлен-

ном состоянии. Однако позже ему приспичило вернуться в компании с местным ментом. Спустя час они унесли заявление о попытке изнасилования несовершеннолетней и ее физического преследования, оставшись весьма недовольными друг другом. На следующий день, когда мы возвращались с группой после утренней прогулки на луг, нас встретила пара моих старых знакомых в сопровождении троицы подобных им интеллигентов. Не стесняясь детей, интеллектуалы в доступных их разуму выражениях стали объяснять городской козе, как она неправа, что ее никто не трогал, и что если она не заберет бумажку из ментовки, то «пряма щаз» узнает по всей форме радость от общения с их замечательной командой. Им не повезло: «коза» находилась в преотвратном настроении, поскольку активная фаза периода в сочетании с бегом за малолетками по кустам малины перепачкали любимые бриджи разными красками. Короче: сломанная рука, вывихнутая стопа, два разбитых носа три фингала и много-много ругани из-за отбитых мягких мест. А у меня звон в ушах от пропущенного удара и безмерная любовь всей детсадовской группы к тете-каратистке. Мне каждый, по собственному желанию нарисовал в подарок картинку, и я все их клеила в свой дневник. Дальнейшее развертывание конфликта прошло практически без моего участия. Знаю только, что директриса осталась очень довольна... А я стала проводить в группе уроки «карате», обеспечив железную дисциплину. Кстати, «несносная» троица с тех пор ходила за мной

буквально по пятам, стараясь мне во всем подражать. Даже попросились бегать со мной по утрам. И за другими детьми стали присматривать, дав мне шанс чуток расслабиться. Были, впрочем, и весьма забавные последствия: пара местных девчонок пришла познакомиться с крутым парнем отлупившим местных, а обнаружили меня. Они явно отнеслись недоверчиво, к абсолютно честному признанию, что пришедшие выяснять отношения придурки получили свои травмы из-за неудачных падений, а сами падения «заполучили» из-за того, что горе-бойцы мешали друг дружке. Впрочем, девушки ушли не разочарованными, поскольку я, пользуясь уроками бабушки, показала одной из них как эффективнее приподнимать уголки глаз. Ее подруге дополнительная коррекция не требовалась, однако слушала она тоже очень внимательно.

Начавшийся учебный год отличался от своего предшественника повышенным дружелюбием со стороны одноклассниц. Оказалось, что летом кое-кто решил «отбить» у меня Валерку путем очернения отсутствующей. Мой паладин в ответ посоветовал получше работать с агентурой, так как со мной, как с внезапно обретенной дальней родственницей, он не гуляет, а вот мнение о ком-то из девчонок спросить может. Самое забавное, что парни, узнав об этой истории, стали просить у Валерки по дружбе узнать у меня, что девчонки о них болтают. В целом же все оставалось по-прежнему: школа – домашние задания – тренировки.

Принц не снился.

Декабрь начался с неприятности: бабушка, поскользнувшись на улице, сломала шейку бедра. Случилось это буквально через день после того, как отец сообщил мне о рождении сестренки... Пусть и сводной, но сестренки. Только вот ее мама очень тяжело отходила от родов. В результате отец метался из одной больницы в другую, временами забегая на работу. Естественно, что на меня обрушилась огромная часть забот, лежавшая раньше на бабушкиных плечах, поэтому Новый Год я встретила с глубоким осознанием, сколько усилий требует ведение домашнего хозяйства. Хотя с другой стороны совершенно не честно говорить, что я осталась с проблемами один на один. Во-первых, со мной всегда рядом был дед. Между прочим, готовить меня научил именно он, и именно в ту пору. В бабушкином исполнении приготовление пищи всегда превращалось в довольно мудреный процесс взаимодействия опыта с записанными рецептами, где очень четко нужно выдерживать пропорции, определяя их на взгляд и вкус. Результат редко бывал неудачным, но объяснения неизменно оставались запутанными. В изложении деда все обретало структуризацию и рационализм. Строя свое кулинарное искусство из блоков почистил-порезал-термически обработал, он ухитрялся готовить разносолы различной сложности, чем неизменно приводил меня в неизменный восторг. Особенным шиком, я считала его умение четко назвать время, когда все будет готово. Этим трюком мне овладеть не удалось. Пришлось компенсировать ка-

чеством, которое одобрил мой второй помощник Валерка. Правда, помощь от него шла больше в моральном плане, но ведь и это порой не мало. С другой стороны он не отказывался что-то сделать, просто не шибко был подкован в «домоводстве», собственно как и я поначалу.

А вот кто по-настоящему все умел, так это Вик! Я сначала думала, это все последствие его немужского воспитания. Оказалось наоборот – мужского. Папа у него жил с девизом: «Настоящий мужик должен уметь делать все». И его с братом именно так и воспитывал. Когда эта парочка заехала к нам на выходной перед долгожданной выпиской нашей больной квартира преобразилась. Во множестве мест от туалета до кухни появились поручни, чтоб неуверенно ходячая бабушка могла подстраховаться. На случай падений были сделаны сигналки, ведущие к деду в квартиру. Так же установлено радио в спальне. Что-то было переставлено, что-то убрано... Прямо как два брата из ларца... неодинаковых с лица. И это они так расстарались практически для чужих людей. Мне до сих пор трудно понять, что именно двигало ими, а расспрашивать было как-то неудобно. Вик ведь и раньше пару раз с матерью приезжал. Молча выслушивал новости и как-то сразу находил себе дело, то ли картошку почистить, то ли в табурет пару шурупов вернуть, чтоб не качался. А я смотрела на него и сравнивала с принцем... Вик выигрывал... Но утром я старательно не впадала в уныние, что ночью опять обошлось без визита высочества.

Дневник пылился на полке уже несколько месяцев.

С возвращением бабушки домой, дед стал проводить у нас гораздо больше времени, чем раньше. Поначалу я как-то не придавала этому значения, но один раз заметила, как он на нее смотрит и... подумала, что родственнику вполне по силам кое-что мне объяснить. Осталось только поймать момент, чтоб бабушка не помешала моим расспросам.

– Деда, а ты можешь со мной откровенно обсудить вопросы взаимоотношений полов?

– Эх... – дед опустил книжку и взглянул на меня поверх очков в полнейшей растерянности, – э... Солнышко, ты это о пестиках тычинках что ли?

– Да не... – я бухнулась в кресло напротив, – этот материал в красочных картинках на каждом углу продается. У меня вопрос посерьезнее.

В старческих глазах вспыхнула тревога:

– Солнышко, ты не...

– Дедуль, со мной все в порядке. Опыта на практике не набиралась, так что ничего не придумывай, – испуг покинул глаза родича, – для меня вопрос важный, но теоретический. Просто хочу понять, что для парней означают серьезные отношения и как они дозревают до них?

– Мда-а, – дед кинул книжку на журнальный столик, – а может лучше про пестики тычинки?

– Деда!

– Ладно, ладно, но могу я сначала поинтересоваться, по-

чему ты спрашиваешь?

– Поинтересоваться можешь, но, чур, сильно не смеяться, – предупредила я, готовясь изложить заготовленную легенду, – летом в детсаду один пацаненок после прочтения сказки спросил, почему принц хочет жениться?

– И как ты ответила?

– Не я, а девчушка в его группе. Мол, чтоб другой принц не приехал и не забрал принцессу себе.

– Устами младенца глаголет истина, – усмехнулся родственник.

– То есть? – несколько опешила я, так как сама придумала ситуацию от и до.

– Мужики – собственники, – дед сел свободнее, положив руки на подлокотники, – принцесса может рассматриваться как добыча, а предложение руки и сердца своеобразным оружием. Пиф-паф и счастливая тушка коронованной особы только твоя...

У меня перед глазами возникло лицо принца, называющее меня своей избранницей.

– ... Естественно, – продолжал он, – это происходит не только с принцессами. Термин 'Жигало' возник не на пустом месте. И здесь как ты понимаешь, чем выше приз, тем отчаяннее охотники.

– Принцесса и полцарства? Точнее, полцарства и принцесса? – постаралась я уточнить его мысль.

– Зачем крайности в определенностях?

– Не поняла?

Дед вздохнул:

– Не надо думать, что все обязательно имеет материальную составляющую. Принцесса сама по себе может быть призом.

– Как драгоценность, что ли?

– Ну и это тоже. Но чтоб понять четче, представь, что у человека есть возможность сосватать богиню...

Мадмуазель-сударыня Богиня Ленка Червоточинка с трудом сглотнула. Дед продолжал, ничего не заметив:

– ... О чем человек подумает? Во-первых, – он поднял руку с оттопыренным большим пальцем, – данный индивидуум будет считать себя избранным. Во-вторых, – распрямился указательный, – он сможет внушать страх врагам, а значит, многие захотят с ним дружить. Еще, – средний присоединился к своим братьям, – его дети унаследуют божественную кровь, что может поднять престиж семейства на века. Естественно, это так сказать, теоретический предельный случай, – рука вернулась на подлокотник.

– Естественно, – согласилась я, изо всех сил стараясь, чтоб мой голос не дрогнул.

– Так вот в реальности, поскольку с богинями напряженка, все гораздо сложнее.

– Почему не проще? – вырвалось мое удивление, – нет приза – нет проблем. Вроде бы.

– Вот именно, – он легонько прихлопнул ладонью по крес-

лу, – что «вроде бы», так как амбиции то остались. В теории добился от богини «Да», и всем сразу понятно, что ты самый-самый. А нет приза всеми признанного, то очевидность в твоей избранности – дед усмехнулся, – неочевидна. Твое достижение, может быть нулем в глазах других людей. Поэтому приходится каждому для себя находить приоритеты, и в зависимости от них я делю людей на три категории, – поднятый большой палец, – Те, которые не формулируют свою мечту, но имеют ее, неосознанно подчиняя свою жизнь движению к ней. Вторые, – указательный палец, – имеют вполне конкретную мечту, соответственно практически все их жизненные шаги продуманы и, – средний палец, – последняя категория подростки, то есть те, которые ни на каком уровне не осознают, что именно они хотят.

– По-моему, ты съезжаешь в сторону, – я нахмурилась, показывая недовольство, – мой вопрос ведь о том, как мальчики свое отношения с девочками строят, а не как они достигают невиданных успехов в жизни.

– Нет, Солнышко, это ты ошибаешься, отделяя одно от другого. Ведь переход из подростковой категории в любую другую делает человека взрослым. Именно в первых двух категориях человек по-настоящему думает о семье и хочет жениться, а не просто дружить в постели.

Я помассировала виски пальцами:

– Дедуль, оно как-то слишком мудрено. Может попроще как-то? Вот, к примеру, ты и бабушка...

– Хм, – дед слегка покраснел, – ну мы из категории, которые знают, чего хотят. Два стареющих одиночества ищущие поддержку друг в друге.

– Ты, – я грозно наставила на него указательный палец, – подлю уходишь от ответа, не делишься мудростью со своей внучкой!

– Ничуть, – он отрицательно помотал головой, – слегка упрощаю. Но не ухожу.

– Пояснишь?

– Я просто стар. И ценю то немногое, что мне осталось. Тебе, родная, объяснение моего отношения к бабушке не поможет, поскольку оно строится по правилам «послесловия», а тебе нужно «вступление».

– Ну, хорошо, – я сложила руки на груди, – к женскому полу твое разделение на три группы тоже относится?

– Наличие юбки вас не делает другими... Хотя вы взрослеете стремительнее и среди вас редки подростки, доживающие до седин.

– И ты думал почему?

Дед тепло улыбнулся:

– Тебе, Солнышко, ответ не понравится... Но дело в том, что примитивное женское счастье трактуется, как свить гнездышко, вырастить-выкормить детишек. Ты ведь читала «Войну и мир»? Так вот Наташа Ростова в конце – это своеобразный пример женского счастья. Формула известная, можно сказать проверенная временем и многие, не задумы-

ваясь, просто ее подхватывают.

– Звучит как эти... ну немецкие... церковь-дети-дом

– Кухня – киндер – кирха, – дед согласно кивнул, – или три немецких К.

– Да... примитивненько.

– Зато работает. И нечего морщить носик на мой мужской шовинизм. Оглядишься. Посмотри на знакомых женщин, послушай подружек, в школе, почитай книжки, посмотри фильмы. Охвати всё, и ты услышишь, как во многих местах повторяется рефреном мысль: девчонке главное замуж выскочить, да детишек родить.

– А меня ты тоже так видишь?

– Тебя нет, а твою мать – да.

– А бабушку?

– Это, как я говорил, уже несколько другая категория.

Можно сказать, послесчастливая.

– Ну, ты скажешь! – почти возмутилась я, – и вообще, дед, феминисток на тебя надо напустить!

– Ой, да они только кричать о дурном равноправии могут, а сами толком ничего не предлагают.

– Ты предложишь?

– Давай порассуждаем о трех 'К'. Как ни крути, но материнство выкинуть из формулы женского счастья не удастся...

Невольно вспомнив куклу, прижимаемую к груди, я согласно кивнула.

– ... Кухня на самом деле синоним домашнего хозяйства. Оно, конечно, требует изрядных забот и хлопот, а порой просто тяжелой работы, но для многих и это неотъемлемый элемент счастья. И чтоб понять это, тебе достаточно посмотреть на бабушку, когда она оглядывает свою квартиру после многочасовой уборки. Все чисто, красиво, уютно и у нее в душе радость. А уж как она расцветает, когда ты говоришь: «Ой, как вкусно!»

– Да, это так, – согласилась я, заодно вспоминая, как мать мучилась с каким-то мудреным рецептом, потому что Вик любит.

– Но хозяйство не так актуально в современном мире как раньше, – обрубил дед.

– Пояснения?

– Пылесосы, водопровод, кухонные комбайны, короче цивилизация, дает огромный выигрыш во времени и усилиях по сравнению со временами, когда немцы пришли к своим три 'к'. Да и детишек сейчас в семьях гораздо меньше. Поэтому, де факто, у современных женщин есть больше времени на церковь, роль которой в современном мире взял на себя телевизор. Он тебе и мозги промоет и увеселение сделает.

– То есть в этом роль церкви?

– Большой частью. Некая промывка для поддержания статус-кво. Звучит паршиво, но в целом не отличается от работы современных психологов. Однако даже здесь надо учесть, что технологии существенно ускоряют этот процесс.

С другой стороны работу по кухне чаще называют необходимостью, чем удовольствием, поэтому в итоге от трех «к» в счастливой жизни остается полтора слагаемых... Может чуть больше одного, но меньше двух.

Я усмехнулась:

– Точность подсчетов сомнительна, но продолжай.

– Продолжать? – дед изобразил классическое удивление, – да я почти закончил. Высвободившиеся составляющие женского счастья должны составить саморазвитие.

– Это как самообразование, что ли?

– Не совсем. Точнее, совсем нет...

– Дедуль, ты как бы определись, что ли.

– Э... счас, погоди, прикину... – он задумчиво уставился в потолок, поскреб пальцем щетину на подбородке, – ... вот гляди... – его взгляд бродил по верхам, – материнство идет от женщин, поэтому первые шаги в своем развитии человек делает под влиянием мам. То есть мамы закладывают в своих детей первоначальные цели и задачи. Вопрос: как мама сможет подвинуть ребенка на достижение каких бы ни было целей, если она сама не развивается?

– М-да, действительно как? – согласилась я, но тут же возмутилась, – а почему ты исключашь влияние отцов.

– Не исключаю, а признаю менее влиятельным на начальном этапе детского развития.

– Опять мужской шовинизм? – улыбнулась я

– Ну а как же без него, – сверкнул смешинкой дед, – но

если серьезней, то если брать семью как ячейку общества, то надо выделять ее взаимодействие с внешним миром и внутренний мир. Собственно такое разделение есть везде и во всем. Любой плод содержит кожицу и мякоть, у деревьев есть кора и непосредственно древесина, у домов внешние стены и интерьер, у...

– Понятно, – перебила я его – и ты считаешь, что мужчина должен играть роль кожицы.

– Не должен, а чаще находит счастье, играя роль внешних стен. Слышала наверно, «за ним как за каменной стеной»? Так вот этот современный феминизм кричит, что женщина совсем может справиться сама, забывая, что никто не захочет есть яблоко из одной кожицы. Такой плод теряет ценность.

– Но ведь можно говорить о золотой середине, когда человек может выполнять обе функции.

– Ну, солнышко, а ты выберешь сочное румяное яблоко или фрукт по твердости среднее между кожицей и мякотью...

– ... и по вкусу такое же среднее, – закончила я, – твоя позиция ясна.

– Не знаю только на сколько, – вздохнул он, – жизнь, как правило, трудно выразить ассоциациями. Тем не менее, мы ценим яблоко за мякоть. Однако как быстро портится эта мякоть без кожуры? Внутри семьи должно существовать распределение ролей. Не обязательно стандартное, возможно,

комбинированное, но оно должно быть. Просто возможность родить ребенка, как, правило, помещает женщину во внутренний круг и это приносит ей счастье, а мужчина достигает счастья, защищая этот мир.

– И как соотносить эти круги счастья с твоим же делением людей по категориям? – спросила я, – хотя погоди... взрослея, человек обретает цель...

– Человек осознает, какая роль ему близка. Это задает явно или неявно цель, критерии ее достижения определяют агрессивность амбиций, и в соответствии с этим подбирается партнер.

– Звучит как-то утилитарно, – поежилась я.

– Типа, а где же любовь? – усмехнулся дед

– Типа любовь. Я все же девушка и мне без высоких чувств не обойтись, – ответила я с улыбкой на подначку.

– Солнышко, послушай деда, не задумывайся о побудительных мотивах другого человека. Просто старайся понять, что получишь лично ты от ваших отношений. А для этого нужно понять, что тебе хочется. Собственно, как при выборе специальности...

– Опять? – возмутилась я, почувствовав, как наша беседа сворачивает в набившую оскомину тему «Кем быть».

В принципе понять деда, конечно, можно. Выпускной действительно не за горами, а у меня никакой определенности, куда потом податься. Что делать, если ни одна проф. стезя не возбуждает интереса? Однако у родичей почему-то

отсутствовало понимание, что от многократного повторения вопроса, ответ не появляется. Зато раздражение усиливается. В результате у меня выработался условный рефлекс сбегать от подобных разговоров. Поэтому наша душевная беседа практически сразу свелась на нет «внезапным воспоминанием» об уроках.

Училась я довольно ровно по всем предметам, не выказывая никаких предпочтений и склонностей. Собственно в этом и крылся корень моих проблем с выбором будущей профессии. Хорошо деду мудрствовать о самосовершенствовании. Только в какую сторону «копать»? Что делать, если ты середнячок, проявивший себя только по части язвительности? Перейти от язвительности к хамству? Сомнительное улучшение, но вполне реальное. Особенно в свете увеличенный разговоров о будущем.

Определиться с выбором удалось только к концу апреля. Домашние сильно удивились, когда я объявила, что пойду в программисты, но быстро уговорили себя в правильности моего решения, поскольку на их взгляд, не шибко обременительно и популярно. Валерка тут же захотел составить мне компанию, но я, к радости его родителей буркнула, что от него пахнет финансами, а не компьютерами. Он, пройдясь на тему «Чем пахнут ремесла», все же решил мне довериться и не пожалел.

Вообще же я стала все чаще замечать за собой особенность чувствовать, мягко говоря, необычные запахи. Напри-

мер, запах голода бродячей собаки, или запах переживаний нашей математички за своего сына музыканта, или идущий от сидящего в автобусе парня запах разочарования в своей девушке.

Эти новые ароматы, обладали такой же четкостью и различимостью как и обычные, проникая в меня так, словно я проходила мимо благоухающей готовящейся пищи кухни. Посвященный в такие странности Валерка, слегка посмеивался надо мной, пока однажды я не учуяла, что для него понятие секс сменило статус с теоретического на практический. Смущенный вопросом в лоб, паладин не смог соврать своей богине. Теперь мы оба знали о правдивости запахов, и это заставило меня держаться от людей подальше, а Валерку гордиться мной побольше. Собственно эта моя способность и определила выбор специальности. Компьютер – не человек, эмоциями не пахнет.

***

Момент окончания школы меня совершенно не взволновал. Напыщенные речи, радостные ожидания одноклассников, расчувствовавшиеся родственники словно существовали в параллельном мире, откуда никак не мог прийти четкий ответ, что должно измениться во мне после получения аттестата зрелости. Однако меня попросили не портить праздник окружающим. Пришлось подчиниться и отправиться выбирать платье...

Впрочем, я рисуюсь немного, поскольку мне тоже хоте-

лось праздника. Чтоб был бал, на котором бы я блистала. В конце концов, девушкам противопоказано недополучать восхищений в свой адрес... даже если восторгов-комплиментов совсем не жду. И потом, у меня до этого момента не было ни одного случая продемонстрировать одноклассникам, какой я могу быть. Вернее у меня ни разу в жизни не было такого случая. А когда я увидела, какое платье припасла для меня бабушкина подруга портниха... Нежно-салатовый шелк, беря начало на левом плече, наискосок охватывал мою грудь, вливаясь справа значительно ниже линии талии в длинную асимметричную юбку. Причем ширина его была такой, что практически вся левая сторона оставалась обнаженной. Эффект усиливался, так как искусно сделанный разрез на юбке создавал иллюзию, что левой ноге вообще не хватило материала, чтоб полностью прикрыться... в чем пытались убедиться взгляды практически всех встреченных мной в тот вечер людей. Осталось добавить семь сантиметров каблука, слегка завитые светлые локоны, макияж, выполненный профессиональным гримером и Валерку, шагающего рядом в белом смокинге.

Фурор был... Удовлетворение – нет.

Перетанцевав медляки со всеми парнями класса, получив три предложения о свиданиях, два признания в любви, и пять попыток познакомиться (выпускники других школ встречали рассвет там же, где и мы), я пришла домой, достала дневник и разревелась.

Принц приснился, но сон оказался настоящим. Такая нежно-салатовая сюрреалистическая фантазия, в которой меня кружили в бесконечных легких вальсах, со странными ярко страстными элементами танго, а принц где-то бесновался, что я не с ним. Последний аккорд прогрохотал, и я, заметив стоящее вдалеке высочество, послала ему воздушный поцелуй.

Первое утро..., точнее, уже вечер послешкольной жизни я встретила с отпечатанным на щеке узором обложки дневника... После чего он решительно был засунут далеко-далеко в ящик, где провел долгие годы в одиночестве.

Глава VI

Подача заявлений в университет принесла мне знакомство с Костиком. Валерка его невзлюбил с первого взгляда, но сам он был занят своим поступлением, дневками с будущей сокурсницей и ночевками с молоденькой соседкой. Меня же устраивало, что Костик шибко не форсировал события, и почти не распускал руки, ограничиваясь по большей части намеками. По-моему он твердо верил, что, в конце концов, мне будет стыдно не пустить его по дружбе в свою постель. К концу августа он стал испытывать некое нетерпение, напрочь отказываясь верить моему признанию, что кроме совместных прогулок ему ничего не светит. Намеки на более близкие отношения постепенно перестали быть намеками, однако еще не перешли в пошлости и грубость. Парниша стал активно интересоваться, чего мне в нем не хватает, не забывая давить на любовную тоску. И вот однажды, проводив меня до дома, он видимо решил, что пора произвести впечатление своим умением целоваться. Честно говоря, была жутко заинтригована, поэтому и не стала сопротивляться. Впечатления... как говорил герой Дастина Хоффмана³ – мокро.

Видимо ожидалась совсем другая реакция, потому что

---

³ герой Дастина Хоффмана – [имеется в виду фильм "Человек дождя", в котором Дастин Хоффман сыграл роль аутиста

неверие в глазах Костика сияло ну очень сильно.

– Не торкнуло, – сообщила я ему и пояснила, – можешь отпускать.

Не раскрывая объятий, Костик кривовато усмехнулся:

– Лиха беда начало.

– К сведению некоторых, я как-то не настроена ни на беду, ни на начало.

Кавалер посильней прижал меня к себе:

– Да ладно тебе Лен, неужели ты не чувствуешь, как я горю при одном лишь взгляде на тебя.

– Ты не горишь, а потеешь. Да еще меня прижимаешь, заставляя потеть за компанию.

– Фу Лен! Как у тебя только язык поворачивается такое говорить. Может, попробуем найти ему другое применение?

– Нет, спасибо, – увернулась я от нового поцелуя. Однако Костик не отстранился, а с придыханием зашептал на ухо:

– Ленушка, ты такая сладкая...

– Что можно диабет заработать. Может, отцепишься, пока инсулин не понадобился?

– Ха-ха, ты такая красивая, что...

– ... ты решил меня помять и спасти мир от моей красоты.

– Я никогда не встречал таких остроумных и одновременно таких красивых как ты.

– А я уже встречала таких как ты, поэтому знаю твои слова еще до того, как ты их скажешь. Так что лучше отпусти и не зли.

– Но почему ты не хочешь полюбить меня?

Я отстранилась и взглянула Костику в лицо:

– А зачем?

– Что «зачем»? – слегка опешил кавалер.

– Зачем тебя полюбить?

– Ну, эта...

– «Эта» – то как раз понятно. Дальше-то, спустя полчаса что будет?

– Ну... мы любить друг друга будем.

– Окей, польстим и еще часик добавим. Дальше что?

– Ну-у... А ты сама что хочешь?

– Чтоб ты меня отпустил... но ты меня все чем-то хочешь поразить. Вот я и спрашиваю дальше-то что? Жениться что ли хочешь предложить?

– Э-э... – Костик поискал способ отказаться от последствий, но не упустить желаемое, – ну, может быть.

– Вот когда будет точно, а не «может быть», тогда и поговорим, а сейчас отпусти меня!

– Нет, милая...

Мгновенно вспомнился принц:

– Не называй меня так!

Однако Костик понял все по-своему. Он осветился улыбкой и чарующе, на его взгляд, произнес:

– Но как же тебя еще называть, если ты мила мне и по сердцу, и по душе...

– ... и по ширинке.

– Да, и там тоже ты мне мила, милая моя, – с радостной похотливостью сообщил он, пытаясь притиснуться поближе.

– Последний раз спрашиваю, по-хорошему, ты отпустишь меня или нет?

– Конечно, отпущу... только не сразу.

– Ты нарываешься, – мой голос был близок к криогенной заморозке, но Казанова оказался нечувствительным к низким температурам:

– Зачем ты так строго, милая, – прошептал он, снова промахиваясь мимо губ. Я подергала руками, но объятья возмнившего себя крутым парнишки оказались крепки. Впрочем, это все равно был отвлекающий маневр. Я взглянула в радостно предвкушающие глаза Костика, потянулась как бы навстречу губам, и с силой впечатала лоб в его нос.

– Уви-и! – взвыл мгновенно растерявший любовный пыл кавалер, отскакивая от меня. Его глаза скосились к носу, а подставленная рука ловила капающую кровь, словно собиралась сберечь или даже засунуть ее обратно.

– Ты фто охренела? – спросил он, явно не нуждаясь в моем ответе. Впрочем, времени его выслушивать у него все равно не оказалось, так как появившийся, словно ниоткуда Вик смачно вмазал ему в глаз.

– Сволочь! – визгнула мама, подлетая к упавшему Костикку, – Гадина! – ее остроносовая туфелька с силой клюнула горе-любовника по ребрам, – Подонок! – еще удар, – Мою дочку! – серия пинков, – У меня на глазах! – да она его сейчас

запинает! – Да я тебе все пальцы перелломаю! Руки повыдергиваю!

– И ковырялку твою оторвем, – срезюмировал Вик, удерживая маму от новых ногоприкладств, – только посмей подумать о нашей девочке, навсегда о женщинах забудешь! Ты п-понял? – Вик склонился к стонущему телу, – к-козел? А теперь пшел отсюда, падаль! – и он смачно сплюнул Костику на рубашку.

В воздухе словно клубилась звериная мощь сдерживаемой мужицкой ярости. Кажется, даже будь Вик нагишом в своем первозданном виде, никто даже на секунду не усомнился бы в его половой принадлежности. И Костик в страхе перед более сильным самцом, всхлипывая разбитым носом, поспешно бежал... пополз в сторону. Однако моя чуйка подсказала, как близок не полностью оправившийся после операции Вик в своей бравате к блефу. Предательская слабость была готова подкосить его в любую минуту и, чтоб не допустить ее приход, я, шагнув вперед, прижалась к отчиму, словно залезая под его крыло, чмокнула его в щеку и громко как бы прошептала:

– Спасибо, па!

Поднявшийся на ноги Костик, опасливо оглядываясь, шустренько, полу бегом, двигался к выходу из нашего двора.

***

– Послушай-ка, отчим... – начала я, когда мы уже вошли в подъезд.

– «Па» мне понравилось больше, – проворчал негромко Вик.

– Будет тебе и «па» и «ма» и «батя», но только потом, после того, как ты мне кое-что пообещаешь.

– Типа мужик сказал, мужик сделал?

– Типа. Ну так как?

– Лен, ну что ты цепляешься? – попыталась вступитья мама

– Ма, дай поговорить. Ну так как, сделаешь?

– Говори уж...

– Я хочу, чтоб ты никогда не руководствовался нелепым мужским комплексом – страхом показаться слабым. Мы уверены в твоей мужественности. Нам не нужны доказательства.

– Но сейчас...

– Я не говорю про сейчас. Речь идет о после сейчас. Ведь тебе нужно отдохнуть? – Вик смутился, – а кое-кто собирался гордо показывать, что ничего не требуется.

– Викусь, тебе плохо? – тут же включилась мама, и меня чуть не сбил с ног мощный поток любви, заботы, нежности, беспокойства и ревности. Последние было явно моим и не таким сильным. Конечно, ощущать себя просто ответственностью неприятно, но рана зарубцевалась, оставив лишь неприятно ноющие боли, которые, впрочем, можно перетерпеть.

– Ма, подожди, – остановила я ее, – он отдохнет и восста-

новится. Вопрос в том, чтоб он, отбросив ложную мужскую гордость, признал необходимость отдохнуть.

– Хорошо, – смутившийся Вик, глубоко вздохнул, – я отдохну.

– Речь идет не только о сегодня, – продолжала додавливать я, – и если ты не отбросишь боязнь проявить в чем-то слабость, позаботившись о себе, то подведешь тех, кто рядом.

Вик стрельнул глазами в сторону матери, потом посмотрел задумчиво на меня.

Слегка кивнув, я постаралась подтолкнуть его мысли в нужном мне направлении, поэтому, выждав пару мгновений, спросила:

– Ну так как, отец, договоримся?

– Договоримся, дочь, – ответил он, прижимая покрепче мою мать к себе.

***

Наше возвращение домой, стараниями мамы приобрело некую взбалмошную суетливость. Уж очень ей хотелось и Вика уложить отдохнуть, и погордиться им перед нами. Переживаниями за дочь она тоже делилась, причем так, что растревожено возмущенный дед почти побегал с ремнем, за «этим... самым». Удержал его от агрессивных действий приход Валерки, да не одного, а в компании с моим биологическим отцом. Они с ходу поведали о том, как крупно не повезло Костику. Оказалось, что, «распрощавшись» с нами, незадачливый ухажер сразу натолкнулся на моего паладина. Тот,

по его словам, мгновенно поняв, что произошло, без долгих разговоров засветил незадачливому кавалеру в неподбитый глаз. Отлетевший в сторону, Костик, в качестве ответных действий решил просто удрать от очередного психа. Причем на запредельных скоростях. В результате Валерка, несмотря на все тренировки и пробежки, стал очень быстро отставать. Однако тут, словно идущий на подмогу паладину, навстречу удирающему недокавалеру вышел мой папаша, которого крик «Этот Ленку... Вот!» мгновенно привел в не самое мирное расположение духа.

Надо отметить, что сам по себе отец никогда не отличался ни физической силой, ни устрашающей внешностью, но вот глотку имел просто лужённую. Я маленькой, часто всем говорила, что мой папа-лев, так как от его рыка все бродячие собаки удирали, поджав хвост ну очень быстро. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Костика буквально смело звуковой волной праведно возмущённого родителя. Убегал ухажер с воем и мокрыми штанами. И мне было его ничуть не жалко.

Больше о нем я ничего не слышала. Почти не слышала, так как спустя пару месяцев после начала занятий в университете, одна из одногруппниц поинтересовалась, к какой народности я принадлежу, что у нас так сильно следят за девушками до свадьбы. Слово за слово и мне поведали душещипательную историю о парнишке, который, проводив понравившуюся девчонку до дома, не удержавшись, легонько «чмок-

нул» ее в щечку на прощание. Рассказ о внезапно налетевшей толпе родственников, рвущихся отомстить за невинную шалость, мог легко посоперничать с крутыми американскими боевиками.

– Так это что все неправда? – с круглыми от удивления глазами спросила Юлька в конце своего повествования.

– Ну почему же, – сдерживая сильное желание рассмеяться, ответила я, – здесь на удивление много правды. Однако и пропущенных деталей тоже немеряно. К примеру, он не в первый раз меня провожал, поэтому стал не с поцелуйчиками приставать, а руки распускать, да еще против моей воли. Вот моему бывшему, следящему за нами, это и не понравилось. А так как парень он крутой, на разных единоборствах слегка двинутый, то отмесил ухажера за здорово живешь. На родственников же этот горе-кавалер потом совершенно случайно налетел, и если б не стал орать, что, мол, от меня не убудет, то они бы его и не тронули.

Кажется, я воочию увидела как у новоявленной «подружки» в голове закрутились колесики печатного пресса и... новая история ушла в тираж, удерживая от меня на расстоянии любителей покрутить шуры-муры.

Не могу сказать, что они мне раньше сильно докучали, но, как правило, раз в неделю находилась человеке, желающий ознакомить нелюдимую первокурсницу в мешковатой одежде с настоящей студенческой жизнью и с собой в частности. После ознакомления Юльки с «подробностями» при-

ключения, число предложений погулять-познакомиться заметно сократилось. Хотя может ко мне уже просто привыкли.

Сама же студенческая жизнь поначалу не шибко отличалась от школьной. Точнее, перемены-то были, но вот расписание и ритм жизни оставались практически неизменёнными... вплоть до первой сессии.

Вот она-то налетела, закружила и бросила, оставив восторженно испуганное ощущение непривычной свободы. Я словно оказалась на пороге удивительного, но опасного приключения. Однако пришедшие в мою жизнь изменения не тянули ни на опасность, ни на приключения.

Началось все с того, что отец нашел для меня подработку. Теперь ежедневно с семи до полдесятого, я с умным видом следила, как компьютеры одной из строительных контор осуществляют бэкап. Местный админ прекрасно автоматизировал весь процесс сохранения данных. Тем не менее, хозяин требовал, чтоб в конторе присутствовал кто-то разбирающийся в компьютерах. В итоге я получила место и время для занятий, компьютер, бесплатный интернет, неограниченный кофе и зарплату. Копеечную, но зарплату.

Следующим шагом во взрослую жизнь стало предложение вступить в долю, чтоб снимать на троих квартиру в двух шагах от универа и в трех от работы. Собственно местоположением исчерпывались все достоинства этого жилища. Предназначенная мне кресло-кровать вообще находилась в быв-

шей кладовке, по недоразумению называемой комнатой без окна. Однако домашние в один голос решили, что дело того стоит. Мол, у них на душе станет гораздо спокойнее, если их солнышко не будет ночами ездить на перекладных. После чего дед официально переехал к бабушке. Его же квартиру стали сдавать за бешеные деньги. То есть старикам хватало на оплату лекарств и еще оставалось мне на жилье.

Потом пришла вроде как безобидная, но все же довольно неприятная новость: у Эйри заканчивался контракт на его основной работе, и он возвращался в Израиль. Совесть не позволила тренеру бросить своих любимых учеников на произвол судьбы. Он начал подыскивать нам клубы для продолжения занятий. Поэтому частенько мы отправлялись на «показательные тренировки» в какой-нибудь новый зал. В итоге я стала раз в неделю заниматься с пожилым хромым спецназовцем, имевшим с Эйри схожие понятия о благородстве, точнее его отсутствии, в драке. Глядя на нового тренера, невольно вспоминались строчки Блока об азиатах-скифах «с раскосыми и жадными очами». И имечко у него было подходящим – Тимур. Но главным его достоинством в моих глазах был ровный стальной запах практически полного эмоционального контроля. Причем он не менялся и во время схваток, когда тренерские руки... и прочие части тела вольно или невольно приходили в соприкосновение с моими женскими формами.

Валерка же решил «пойти по рукам», посвятив себя изу-

чению разных стилей, прибегая раз в месяц для шлифовки пройденного к моему спецназовцу.

К сожалению, поиск тренера имелся еще один результат: во время разъездам по разным залам я, на свою беду, навралась на знакомых с универа. Поэтому вскорости по месту учебы распространилась информация, что эта СэСэЧэ (то есть симпатичный Синий Чулок) с первого курса обладает роскошной фигуркой (спортивная форма мало того, что скрывает, так еще подчеркивает) и еще умением эту самую фигурку защитить в драке без правил. Похоже, второе оказалось притягательнее любого магнита, поскольку вокруг меня постоянно оказывались спортивно-ориентированные товарищи, пытающиеся зазвать на какие-то тренировки, соревнования, показательные выступления, или просто поболтать о единоборствах, и даже о борцовских диетах. Некоторые всерьез интересовались моим мнением, напоминая мужиков рассуждающих о хоккее с бабушкой. Однокурсницы, видя мальчиковый ажиотаж, тоже стали проявлять активное дружелюбие, создавая незваную свиту. А главное нежелательную, поскольку я прекрасно ощущала запах их ревности и обиды.

Кстати, запахи порой становились значительной проблемой. Мне теперь приходилось избегать толп народа, забитого транспорта, да и просто многолюдных улиц. Однако по какой-то необъяснимой причине, стремясь к одиночеству и раздавая направо и налево ехидно-саркастические колочки,

я никогда не оставалась без компании. Какой-то остряк однажды обозвал вечно обитающих вокруг меня личностей «клубом ССЧ». Название жутко понравилось, и все решили, что это классная альтернативка гламурным компашкам.

Валерка на мои жалобы посмеивался, говоря, что если не можешь прекратить, то возглавь. И я возглавила... но совершенно случайно. Просто очередной любитель единоборств, подсев рядышком в перерыве между лекциями весьма настойчиво нудил про субботние соревнования у них в клубе. Мне откровенно было лень объяснять в стотысячный раз, что красота руко-ного-махания меня интересует не больше прошлогоднего снега, и что мое амплуа – это грязные бесчестные приемчики обеспечивающие выживание. Тем более в ближайшие выходные мы с Валеркой собирались отвезти его старые игрушки в детдом и походу дела узнать, если можем еще чем-то помочь.

Героическая самопожертвенность, естественно, не планировалась: мы собирались внести свою лепту в благое дело, а не возложить жизнь, на алтарь социальных проблем. Однако выкроить раз в месяц чуток свободного времени нам было вполне по силам. Во всяком случае, поход в детдом, лично для меня, звучал намного привлекательнее глазения на драку по правилам. Поэтому, желая отвязаться от назойливого мачо, я, недолго думая, сказанула правду: мол, в субботу ничего не получится: в детский дом игрушки отношу. И как специально активно бурлящий студенческий ропот в аудито-

рии внезапно затих, заставив мои слова прозвучать неожиданно громко.

– Ой, как интересно! – радостно захлопала глазками Юлечка, которая чуть ли не единственная в «клубе ССЧ» крутилась рядом со мной из чистого любопытства, не источая ни капли негативных чувств.

– И часто ты так? – с некой настороженностью, спросила вечно сердитая Ольга, оторвавшись от штудирования своих записей.

– Если честно, впервые, – призналась я, слегка растерявшись от того, как привычный запах ревности сменяется удивлением и искренней заинтересованностью.

– А че вдруг?

– Не знаю, – сказала я, и, подчиняясь внезапному порыву, продолжила, – просто в одной книжке почерпнула мысль, мол, на самом деле, людям нужен бог, чтоб быть кому-то благодарным, когда дела идут хорошо⁴...

– Наверно это приятно, когда дела идут хорошо, – подключилась сидящая через проход Сашка, уколов знакомой иголочкой зависти с надписью «А нам такое не суждено».

Я невольно усмехнулась:

– Ну, началось все как раз с обратного. Сидела я как-то, жалея себя несчастную. И все у меня не очень-то хорошо, и что вряд ли найдется кто-то, у кого ситуация еще хуже, – ожидаемые ехидные смешки-хмыканья со всех сторон слег-

---

⁴ Об этом говорит один из героев книги Д. Дункана «Меченые Проклятием»

ка разрядили общий агрессивно серьезный настрой, – буду считать, что всем знакома ситуация, когда себя несчастную пожалеть хочется. Вот и я, увы, не исключение. Однако главное не впасть в хандру, а суметь из нее выползти. Поэтому начала себя уговаривать: мне повезло – есть крыша над головой; мне повезло – есть кусок хлеба. И так далее. И получилась, что жизнь не так уж плоха. За нее благодарить надо. Вот только благодарить кого? И вспомнилась книжка...

– А детдом тут причем? – попыталась связать концы с концами Ольга, и до меня донеслось ощущение, что ей почему-то очень важен ответ.

– Почти ни при чем. Просто изливать благодарность в молитве неведомой сущности, по-моему, глупо. Я бы сказала, надо молиться делами... ну знаете, как цепочка писем счастья. Глупо звучит, конечно, но с другой стороны, почему нет. Мне самой такая жертва практически ничего не стоит, только сравнительно небольшой кусочек личного времени. Так почему не потратить его на радость для других?

– Ха, – влез единокореец, – так приходи к нам на соревнование и ты гарантированно принесешь радость другим. Мне, например. Или...

– Жень, заткнулся бы ты, а? – прервала его Сашка, – гарантированно радость другим доставишь.

Под раздавшимися смешками, мачо, буркнув невнятное о своей паре, слинял из аудитории. Народ на периферии как-то ожил, завозился, создавая фоновый шум. Но для сидящих

рядом я осталась в центре внимания.

– Твои разговоры звучат, как цитаты из «Незнайки», – Ольга пристально смотрела мне в глаза, – буду поступать хорошо, и тогда мне за это что-то обломится.

– А для меня звучало как письмо дед Морозу, – призналась я, – буду вести себя хорошо, а ты мне конфет и подарков...

Усмехнувшись, Ольга согласно кивнула.

– ... Но на самом деле, это ложный путь рассуждений. Во-первых, потому что хорошее дело все равно останется хорошим, даже если побудительные мотивы не очень. А во-вторых, я же сама осознаю, что это не так, почему же меня должно волновать, кто о чем и почему подумает?

Сашка вздохнула:

– Вот только за один раз мало что сделать можно.

– Можно как минимум узнать, что нужно и что можно сделать, – ответила я, – у меня папа когда-то игрушки отвез в детдом. Одноразово, но может кому-то пригодилось. Вот теперь у меня вызрело решение съездить и узнать.

– Попутчиков берешь? – раздался сверху тяжелый бас.

Вздвогнув, я подняла глаза, уставившись в массивное лицо Малюткина, самого молчаливого однокурсника. По совместительству он удерживал еще несколько «самый-самый»: самый высокий и самый мощный... не толстый, а именно мощный, а еще самый длинноволосый, самый небритый, самый хмурый и так далее. Всезнающая Юлька утверждала,

что пару особо нервных девушек в натуральную обмочились, когда поздним вечером, налетев впотьмах на Малюткина, услышали сердито-хриплое «Ну и что мне с вами сделать?» Поэтому не было ничего удивительного, что смысл его вопроса не дошел до меня с первого раза.

– Я спросил, ты хочешь поехать в одиночку или к тебе можно присоединиться? – расшифровал одnogруппник в ответ на мое полуиспуганное «Ч-ч-что?»

– Да нет, можно компанией... Может даже лучше компанией.

– Окей, – Малюткин взглянул на входящего преподавателя, – тогда позже договоримся.

В результате сопровождающих набралось десять человек. Да еще Валерка, не один, а с компашкой. Я прикинула и решила связаться заранее с директрисой детдома. Оказалось, наш поход пришелся как нельзя ко времени, поскольку требовалось привести в порядок после растаявшего снега детскую площадку, что мы и сделали шумно весело и хорошо. Так состоялся выход нашего клуба ССЧ за пределы факультета в люди.

С тех пор раз в месяц... конечно, кроме сессий, я находила какой-нибудь фронт работ, «свистала всех наверх», и наша разношерстная компания «молилась добру, творя безвозмездное добро». Мы сажали деревья в парках, помогали в восстановлении монастыря, убирали мусор на берегу речки, ездили на какие-то местные раскопки... хотя последнее

больше из любопытства, и, конечно, не забывали детские дома. Здесь все же больше верховодила признавшаяся в своем детдомовском прошлом Ольга. Она, сохранив в памяти далеко не радужные картинки, очень строго следила, чтоб при общении с детьми мы избегали проявлений жалости и ни в коем случае не подавали несбыточных надежд, особенно насчет усыновления. Поэтому наш клуб больше занимался условиями быта. Например, ремонтом, уборкой, или ребята с нашего программистского факультета на базе старых компьютеров создавали классы информатики и обучали работе детей. Юристы тоже пригодились, помогая бесплатно с документами желающим усыновить ребенка... Но самое интересное было, когда мы для воспитанников устраивали Новогоднюю Елку. Из Малюткина вышел такой потрясный Дед Мороз! Он моментально стал звездой не только у детей, но и у девчонок нашего клуба... к большому неудовольствию юристки Снегурочки. Однако ее черед растаять пришел вечером, когда в ответ на весьма зазывные девчачьи предложения, Дед Мороз пробасил, что ему, как порядочному дедушке, за внучкой проследить нужно. Народ пришел в восторг от ответа, и я не унюхала даже ни одного намека на какой-нибудь негатив. Через пару месяцев вездесущая Юлечка, кивая на стильную бородку Малюткина, по большому секрету рассказала, что у него дело, не идет, а просто мчится экспрессом к загсу. Собственно своим «супернюхом» я давно учуяла изменение в их отношениях, но без объяснений

оно «выглядело» как неизвестное экзотическое блюдо. Точнее, даже несколько блюд, поскольку подобные ароматы разной концентрации уже стали завязываться вокруг некоторых сложившихся пар.

Естественно, я невольно... и вольно, конечно тоже, примеривала ситуацию на себя. Мысли гуляли от «Ну и чего она в нем нашла?» до «А была бы на ее месте я...», после чего все упиралась в осознание, что снова сравниваю реальных парней с принцем. Настроение становилось раздраженно-паршивым, вызывая язвительные комментарии в адрес окружающих. Девчонки дружно вынесли вердикт, что меня просто искрит от неудовлетворенности, и, поверив им, я решила завести ни к чему не обязывающую интрижку.

Однако верный паладин встал поперек планов своей богини. Трех парней он откровенно запугал, одного свел с жадной до мальчиков особой, а пятого напоил вусмерть прямо перед свиданьем.

В результате никчемность кавалеров была осознана, но и на Валерку я обиделась. Правда, ненадолго, поскольку сама осознавала ущербность своей затеи. Вот только факт, что такая идея не просто залетела в голову, но почти успешно пустила корни, заставил как-то тщательнее взглянуть на себя и окружающих.

Оказывается, я изменилась. Мы изменились. Кружа по спирали учебного процесса, мы незаметно для себя взрослели, постепенно истончая и теряя что-то волшебно детское.

Мы откидывали эту часть себя как ненужную, омертвевшую шелуху, даже не задумываясь, чего именно лишаемся. И вот приближаясь к концу второго курса, оглядываешься и видишь, что та девчонка, которой ты была, осталась в прошлом. Она мечтала попасть в будущее, но умерла под давлением сегодняшних забот. Потускнела и растворилась в свете «взрослого» понимания жизни. Только бабушка с дедом видят еще ту девочку во мне, не зная, что я ее уже убила, забрав себе как трофей ее прошлое.

Впрочем, Валерка, зазвавший как-то меня перед работой в «Кафешку», отреагировал на рассуждения довольно странно.

– Забываешь богиня, что глобальное большинство людей не могут похвастать такой же восприимчивостью, как ты, – сказал он, отодвигая в сторону чашку недопитого латте, – Мы живем, не задумываясь об этих вещах, поэтому для нас взросление подобно переходу на новую, более удобную одежду.

– Ты так говоришь, будто я не такая как все.

– Да, другая, – в его голосе не чувствовалась даже намек на шутливость, – я давно знаю, что ты особенная.

– Не смешно.

– А я и не смеюсь. Ты возьми хотя бы сегодняшний разговор. Кто еще отнесется к взрослению как к убийству? Наше детство просто изживает себя. Нам трудно двигаться дальше, опираясь на детское восприятие мира. А топтаться на месте

не хочется...

– Но я не об этом говорю.

– ... А о том, что мы теряем что-то ценное при взрослении, – дождавшись моего кивка, он продолжил, – ты вот лучше своего шоколаду пригубь, и меня послушай. Так вот большинство относится к детскому восприятию мира как к костылям: нужны на определенном этапе, но надо побыстрее избавляться от их использования. Насколько я понимаю, есть индивидуумы, для которых детство... ну не знаю... Может как учебное оружие. Мол, выросли, перешли на настоящее, однако и для учебного в жизни осталось место. Ты же более особенная...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.